

Татъяна Володина

Сестра Смерти
Часть первая.
С ног на голову

Татьяна Володина

**Сестра Смерти. Часть
первая. С ног на голову**

«Издательские решения»

Володина Т.

Сестра Смерти. Часть первая. С ног на голову / Т. Володина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962998-2

Все началось с того, что Лима нашла голову. Что обычно делают девушки, находя бесхозные головы? Падают в обморок. Но Лима раньше голов не находила, а потому про обморок не знала. Что же делать с этой головой? И почему именно ей она попалась? Неужели в этом есть какой-то скрытый смысл? А может, лучше было пройти мимо и сделать вид, что её это не касается? Нет, отступать уже поздно: странная голова поставила всю предыдущую жизнь девушки с ног на голову, и что теперь делать, совершенно непонятно.

ISBN 978-5-44-962998-2

© Володина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Неожиданное знакомство	6
Глава 2. Домашний уют	13
Глава 3. Первая ласточка	19
Глава 4. Друзья-товарищи	26
Глава 5. Новый союзник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сестра Смерти

Часть первая. С ног на голову

Татьяна Володина

Дизайнер обложки Ярослав Володин

© Татьяна Володина, 2019

© Ярослав Володин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2998-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-2999-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Неожиданное знакомство

*Уже сумасшествие.
Ничего не будет.
Ночь придет,
перекусит
и съест.*

В. Маяковский

Все началось с того, что Лима нашла голову. Обыкновенную мужскую голову, крупную, с темными, чуть тронутыми сединой волосами, густыми бровями, узким, слегка длинноватым, с характерной горбинкой, носом и небольшим аккуратным ртом. Губы и область вокруг них были, кажется, измазаны чем-то – то ли шоколадом, то ли кровью. Цвета глаз, закрытых, словно во сне, было не разглядеть. Лицо головы выглядело бы даже привлекательным, если бы она покоилась на плечах своего владельца, а так, сама по себе, она только и могла, что пугать. Голова лежала (или правильнее сказать, стояла, используя шею, как дерево ствол) на газоне у входа в подъезд, повернутая лицом к находившейся там же скамейке и полускрытая тенью. Лима не могла понять, как она вообще ее заметила в густом ночном мраке, лишь слегка разбавленном светом немногочисленных фонарей. Так бы прошла мимо и спокойно отправилась спать, но не получилось. Беглый взгляд равнодушно скользнул по привычному пейзажу и зацепился за неожиданное газонное украшение, и что делать теперь, девушка не имела ни малейшего представления.

Июльская ночь была жаркой, но не душной. Свежие струи легкого ветра приносили со стороны леса ароматы горьковатых трав и цветов, разгоряченной солнцем листвы, пряной коры, перекрывающие тяжелые городские запахи асфальта, выхлопных газов, бензина. Луны не было видно, редкие фонари светили тускло и словно нехотя, и тьма казалась осязаемой, плотной и жирной, как только что извлеченная из недр земли нефть. Кое-где в домах, очень редко, желтели окна квартир, но они выглядели нереальными, не настоящими, а словно нарисованными на черном фоне легкими расплывающимися мазками акварели. Как источник света их воспринимать было просто глупо. Тьма и жара господствовали в городе этой ночью.

Девушка осторожно, на цыпочках, по касательной обошла голову, одновременно и желая, и боясь подойти поближе. Голова неожиданно начала движение вокруг своей оси, не сдвигаясь с места, не уменьшая расстояние между собой и Лимой, и лицо снова оказалось направленным прямо на нее. Девушка сдала назад, не сводя глаз со страшной находки и не поворачиваясь к ней спиной. Вышла с газона на асфальт и, не прекращая движения, продолжила пятиться, пока не оступилась на краю тротуара, едва не свалившись с бордюра. Лицо головы с этого места было полностью освещено – скамейка не загораживала ее, – а значит, и отлично видно. Оно по-прежнему было направлено в ее сторону.

Девушка подумала секунду и повторила ранее выполненный маневр, но уже в обратную сторону: на цыпочках, по дуге, не сокращая расстояния, по направлению скорее к подъезду, чем собственно к странному сюрпризу. Голова, видимо, рассуждала похоже – поворот вокруг своей оси был таким же плавным, а потому почти незаметным глазу. Однако результат был налицо: «фасад» головы снова был направлен в сторону Лимы.

Как ни странно, эти движения взад-вперед изгнали из сердца девушки даже намек на страх. В самый первый момент, увидев голову, она замерла от неожиданности и не знала, как реагировать. Потом испугалась мертвой головы на газоне, справедливо подозревая, что подобные находки всегда связаны с насилием и опасностью. Сейчас же повторяющиеся кружения и верчения убедили ее, что это не настоящая человеческая голова, а какой-то муляж,

чья-то глупая и нелепая шутка. Кому-то просто нечего делать, вот он и решил подшутить над поздними прохожими, напугать их. Чем руководствовался этот неизвестный шутник, Лима сложно было даже представить, да она и не хотела, слишком поздно было уже, давно пора домой и в постель. Однако прежде чем уйти, ей захотелось все-таки разглядеть эту странную голову, так напугавшую ее в первые минуты.

Подойдя почти вплотную и присев на корточки, девушка рассмотрела ее поближе. Типаж однозначно какой-то горский. К какому именно народу можно было бы отнести обладателя этой головы, будь она действительно реальной, Лима бы не определила: она в них попросту не разбиралась. Чернявый, горбоносый, с острым подбородком – сколько их там таких! И сделал же кто-то такой реалистичный муляж, да еще и с примечательной внешностью. Главное – зачем? Ради обычной, не самой умной шутки создавать такой шедевр глупо. Ведя мысленный диалог с самой собой, девушка пожала плечами и протянула руку потрогать голову, чтобы оценить, насколько близкими к настоящим созданы кожа, волосы, насколько похоже подобраны плотность мышц и костей.

Кожа была настоящей. Не похожей на настоящую, а именно настоящей, человеческой, с порами, неровностями и даже колючей щетиной во всех положенных местах. Более того, она была *теплой*. Потеряв равновесие от неожиданности, Лима шлепнулась на газон, ощущая ушибив ягодицы. Снова пришел страх. Они что, *натянули на муляж настоящую человеческую кожу*? Чью? Как? ЗАЧЕМ??? Рука сама собой, дрожа от обуявшего девушку страха, продолжала тянуться к этой то ли имитации, то ли, как уже с ужасом думала она про себя, реальной человеческой голове. Хотелось ощупать волосы. Они тоже оказались подозрительно похожими на настоящие: жесткие, густые, чуть жирноватые у корней и пыльные на ощупь, словно их обладатель не пользовался шампунем как минимум пару-тройку дней. Поймав шальную мысль, Лима не удержалась и, аккуратно отделив от шевелюры один волосок, резким движением вырвала его.

Голова ойкнула басом и открыла глаза.

Лима отпрянула и отшвырнула выдернутый волос подальше, как если бы он в любой момент мог взорваться, а потом, все так же продолжая сидеть на попе, быстро перебирая и отталкиваясь ногами, стала пятиться прочь, подальше от страшной и непонятной штуки, которой была для нее черноволосая голова. Глаза у нее, кстати, были ожидаемо темными – то ли темно-карими, то ли черными, в зыбкой полутьме было не понять, – и они пристально следили за судорожными движениями девушки, которая уже дрожала, даже не пытаясь скрыть своего страха.

Через пару минут темные глаза снова закрылись, но менее страшно не стало. Лима сидела на асфальте и не могла подняться, как ни хотелось ей пойти домой: ноги ее попросту не слушались. «Интересно, а почему во дворе никого нет? – отстраненно подумала она. – Поздно, конечно, но не настолько же, чтобы совсем ни одной живой души?» Да, это было очень странно. И очень неприятно. Если бы сейчас кто-нибудь из соседей возвращался домой или выходил гулять с собакой, она бы попросила о помощи, чтобы довели ее до квартиры, а заодно и посодействовали в принятии решения по поводу все еще лежавшей на газоне головы. Но никого не было, а значит, справляться нужно было как-то самой, своими силами.

Дыши, Лима, дыши... Спокойно. Вдох-выдох. Вдох-выдох. И еще. Вдох-выдох. Ты молодец. Дыши. Медленно. Спокойно. Просто дыши. Ффуууух...

Воздух со свистом втягивался в ее грудную клетку и с шипением выходил обратно, словно какой-то малыш играл с воздушным шариком. Она сидела, дышала и слушала свое дыхание, не в силах отвести взгляд от мужской головы, все так же возвышавшейся над газонной травой. Наконец головокружение и дрожь ушли, дыхание стало спокойным само по себе, а не из-за ее принуждения, и даже собственная голова стала способна немножко о чем-то думать.

Итак, что мы имеем? Ночь. Улица. Фонарь. Аптеки нет. Зато есть голова на газоне – то ли мертвая, то ли живая, то ли муляж, то ли управляемая по радио кукла. Вариантов масса, кого хочешь выбирай. Только вот как такое вообще может быть? Кто устроил этот, с позволения сказать, цирк? И зачем, зачем?? А, она уже задавала себе этот вопрос! Только вот ответа до сих пор нет. Не придумав ничего лучше, Лима поползла в направлении головы, уже в который раз за эти несколько минут пытаясь рассмотреть, ощупать и понять, что за чертовщина тут происходит.

Голова находилась все на том же месте, где девушка оставила ее в прошлую попытку. Глаза снова были закрыты, только вот выражение лица изменилось. Лима могла бы поклясться, что оно выражало грусть и горечь: брови поднялись «домиком», в уголках глаз собрались складочки, уголки рта опустились, и даже тонкие губы были поджаты, становясь от этого практически невидимыми. «Я расстроила его», – подумала девушка, краешком сознания отмечая всю бредовость своей мысли. Расстроила – КОГО? Подчиняясь эмоциональному порыву, она протянула руку и погладила голову по волосам успокаивающим жестом, словно одновременно извиняясь за свое поведение и обещая, что теперь все будет хорошо. Когда она убрала руку, выражение лица изменилось, став спокойным и даже довольным, а темные глаза снова были открыты. Голова внимательно изучала ее.

– Привет, – шепотом произнесла девушка. – Ты кто?

Голова улыбнулась и открыла было рот, видимо, намереваясь что-то сказать, но тут же снова закрыла и рот, и глаза. Ничего не понимающая Лима снова протянула руки к своему необычному собеседнику, и тут ее окликнули:

– Девушка, у вас все в порядке?

Едва не подпрыгнув от неожиданности, она обернулась. Прямо над ней стоял мужчина средних лет, в темных брюках и светлой рубашке, которая ярким пятном выделялась на фоне окружающей темноты. Он сочувственно смотрел на нее и протягивал руку, по всей видимости, желая помочь ей подняться. Лима руку приняла, но, вставая, пыталась найти слова, чтобы как-то объяснить незнакомцу наличие такой оригинальной садовой фигуры у них на газоне. Между тем мужчина головы словно не замечал – наверное, девушка просто закрывала ему обзор.

– У вас точно все в порядке? – повторил он.

– Да, спасибо, – с улыбкой кивнула она. – Все хорошо.

Мужчина с сомнением окинул ее взглядом с головы до ног.

– А почему вы на газоне? Хорошо себя чувствуете? Может, «скорую помощь» вызвать?

Лима не смогла сдержать рвущегося между губ смешка. Интересно они будут выглядеть, когда придет «скорая»: нервно хохочущая девушка на траве и валяющаяся рядом то ли отрезанная, то ли оторванная голова, умеющая ойкать, улыбаться и грустить. «А может, все-таки позвонить „03“? – подумала она. – Может быть, у меня просто галлюцинации? Это многое бы объяснило».

– Скажите, – обратилась она к собеседнику, – вы на газоне ничего необычного не замечаете?

Мужчина еще раз внимательно осмотрел ее, потом перевел взгляд в указанном ею направлении. Скептически хмыкнул.

– А что я должен там увидеть?

– Голову, – ляпнула Лима, уже вполне органично вжившись в роль сумасшедшей. – Там на газоне лежит отрезанная мужская голова.

Опешивший незнакомец бесцеремонно отодвинул ее и прошел по газону туда-сюда, от тротуара к стене подъезда и обратно, вернулся на место и, достав из кармана мобильный телефон, стал что-то на нем набирать. Лима, увидев, какие именно цифры он нажимает, успела выхватить телефон прежде, чем его хозяин нажал кнопку вызова.

– Мне не нужна «скорая», я не сумасшедшая!

– Это я понял, – не стал спорить мужчина. – Вы скажите лучше, что вы принимали. Это явно какая-то «химия», да? Любите простимулировать себя таблеточкой-другой?

Лима упрямо тряхнула волосами. Он не увидел головы, но как? Вот же она, лежит на том же самом месте. Почему этот мужик ее не видит?

– Я не наркоманка!

– Хорошо, хорошо. – Незнакомец кивнул головой. – Вы не наркоманка. Вы спортсменка, комсомолка и просто красавица. А теперь отдайте, пожалуйста, мой телефон, и я пойду домой, раз у вас все хорошо и в помощи вы не нуждаетесь.

Девушка, как во сне, протянула ему аппарат, он склонил голову в шутливом полупоклоне и очень быстро, едва не переходя на бег, скрылся во тьме двора. Должно быть, она его здорово напугала. И это, кроме всего прочего, означало, что он вполне способен все-таки вызвать сюда и милицию, и «скорую помощь» – или кого там еще вызывают к наркоманам? А это значит, что вопрос с головой нужно как можно скорее как-то решать, после чего уходить отсюда домой. Дома ее не достанут: она этого мужика не знала, равно как и он ее, а значит, и номер ее квартиры был ему неизвестен.

Лима снова повернулась лицом к газону. Чернявая голова лежала там же, где девушка видела ее в последний раз. На это раз глаза были открыты и внимательно следили за ней. Лицо выражало обеспокоенность и волнение.

– Ну и что мне с тобой делать? – задумчиво спросила девушка, совершенно не надеясь на ответ.

– Забери меня к себе, – пробасила голова с неуловимым кавказским акцентом, вызвавшим у нее непроизвольную гримаску неудовольствия: она не очень любила кавказцев. – Здесь мне нельзя оставаться.

Лима захлопала глазами так часто, что сама стала бояться, как бы не устроить небольшой ураган.

– Так ты умеешь говорить? – осторожно уточнила она.

– Умею. И мы обязательно поговорим, но уже у тебя. Нужно уходить отсюда.

«Ага, – опять вступила в беззвучный разговор с собой Лима, – конечно. У меня дома. Поговорим. С говорящей головой кавказской национальности. Разумеется. Блеск! Почему нет?»

Подняв голову, оказавшуюся тяжелой и неудобной в переноске, обхватив ее обеими руками и прижав к груди, девушка с трудом зашла в подъезд, втайне молясь богам всех известных ей религий, чтобы не встретить по пути в квартиру никого из соседей. Ни в дурдом, ни в милицию ей совсем не хотелось. Кнопку лифта пришлось нажимать локтем, поскольку руки были заняты. Это было ужасно неудобно, и девушка боялась, что плотно прижатая к ее груди голова выскользнет и упадет на давно не мытый пол. Впрочем, выходя из кабины на своем восьмом этаже, она ее все-таки едва не упустила, поскольку руки вспотели, устали и слушаться отказывались. «Потерпи еще немного, – мысленно попросила она себя, – осталось совсем чуть-чуть. Будет обидно уронить за полметра до цели». Входную дверь она открыла, проявив чудеса эквилибристики, освободив одну руку и придерживая голову второй рукой и согнутой в колене ногой, стоя при этом на оставшейся ноге, словно цапля на болоте, и мысленно уговаривая себя не падать ни духом, ни – особенно – телом. Когда она наконец оказалась дома и свалила свою необычную ношу на диван, чем заставила пружины издать протяжный гул, руки дрожали от напряжения, а голова кружилась.

Плюхнувшись на бескаркасное кресло, валявшееся неподалеку от дивана, и позволив себе расслабить уставшее за день – а особенно за последние несколько минут – тело, Лима еще раз внимательно осмотрела то, что принесла домой. Хотя нет, наверное, правильнее было сказать «того», ведь в том, что голова живая и имеет свой характер, девушка уже не сомневалась. Как и когда она успела принять сей, прямо скажем, неординарный факт, она и сама не поняла.

Голова тоже разглядывала ее в ответ, с откровенным любопытством на узком горбоносом лице. Поединок заинтересованных взглядов закончился поражением хозяйки, которая, не выдержав, отвела взгляд и тихо, немного смущенно спросила:

– Так кто ты такой? – Подумала пару секунд и добавила: – Или что ты такое?

Узкие губы растянулись в искренней улыбке, потом улыбка вдруг пропала, словно кто-то невидимый стер ее ластиком, как легкий карандашный набросок. Ответа не было. Лима терпеливо ждала, пока наконец глубокий низкий голос не разорвал ночную тишину:

– Я не помню.

В голосе была грусть и, кажется, горечь.

«Час от часу не легче, – подумала Лима, стараясь скрыть разочарование. – Говорящая голова с амнезией. Не было мне печали!»

Она потянулась, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу, и забросила еще одну удочку:

– Может быть, ты помнишь, как ты оказался на газоне? Тебя туда принесли? Кто?

Черные брови насупились, глаза сузились, на лице появилось сосредоточенное выражение: он вспоминал. В затянувшейся паузе Лима продолжала рассматривать своего ночного гостя, все-таки решив считать его одушевленным и в мыслях, и на словах: даже будучи просто головой, без тела, он был довольно мужественной и привлекательной головой. Не говорить же о нем «она» или «это»!

– Кажется, меня туда не приносили, – снова раздался в тишине глубокий мощный бас. – По крайней мере, я этого не помню.

«Снова-здорово! – подумала Лима. – Похоже, каши с ним не сварить».

– Ладно, – решила она, широко и громко зевнув. – Не помнишь – значит, не помнишь. А почему тебе нельзя было больше оставаться на газоне?

– А мне нельзя было? – Недоумение в интонации странного собеседника было таким искренним, что ему, пожалуй, поверил бы и детектор лжи.

Лима встала с кресла и подошла поближе к голове.

– Ты даже этого не помнишь, что ли? – спросила она, глядя ему (ей?) прямо в глаза. – А ведь внизу ты, кажется, что-то помнил и знал.

Лицо снова сморщилось в гримасе горечи.

– Прости, я сейчас ничего не могу вспомнить, – виновато пробасил гость.

– Ладно, – кивнула девушка. – Бог с тобой. Не помнишь – не надо. Мне сейчас, честно говоря, очень хочется спать, так что давай все выяснения обстоятельств отложим до утра. Ты не против?

Голова медленно и плавно несколько раз повернулась в одну и другую сторону. Если бы она была на плечах, можно было бы сказать, что мужчина покачал головой.

– Тогда предлагаю такой расклад. Как ты понял, комната у меня одна, так что спать нам обоим придется тут. Кстати, ты спишь вообще? – Лима с интересом заглянула в лицо собеседника.

– Да, я хочу спать, – тут же, без промедления отозвался он.

Девушка удовлетворенно улыбнулась.

– Вот видишь, хоть что-то о себе ты помнишь, и это уже хорошо: есть с чего начинать.

Тонкие губы улыбнулись в ответ.

– Тогда я, как обычно, лягу на своем диване, а тебе могу предложить кресло на выбор: хочешь – можешь лечь в обычном, хочешь – в этом, бескаркасном, оно мягче. – Она указала рукой на грушеобразное кресло, из которого только что встала. Там, где она сидела, осталась глубокая вмятина, в которую голову можно было с комфортом уложить. – Так куда?

– Мне нравится это, – пробасил незнакомец, и в следующую секунду у Лимы резко закружилась голова. Она прикрыла глаза, инстинктивно ухватилась за край дивана, а когда снова

смогла видеть, голова лежала в выемке бескаркасного кресла – удобно лежала, судя по довольному выражению строгого лица.

– Как тебе это удалось? – спросила девушка, с трудом выговаривая слова: похоже, порог количества странностей, которое она могла вынести за один раз без ущерба для здоровья, был уже совсем близко.

– Я не знаю, – с легким оттенком вины в интонациях сказал незнакомец. – Оно как-то само получилось. Я просто подумал, что это кресло выглядит таким уютным, что в нем будет удобно лежать. И вот, как видишь, я тут.

Лима хмыкнула.

– А что ж ты снизу сюда сам не переместился? – ехидно спросила она. – Мне бы легче было. – Она раздраженно сдернула с дивана покрывало, открывая постельное белье. – Или вообще перенесся бы куда-нибудь в другое место, подальше от меня и моего дома.

Мужчина внимательно посмотрел на нее, словно изучая. Потом неуверенно улыбнулся.

– Прости, что навязался на твою голову, – прогудел он. – И спасибо за то, что не бросила меня. – В мимике снова промелькнула вина. – Я совсем не помню, кто я и откуда. Не помню, как оказался здесь. Не помню, как меня зовут. Не знаю, где мое тело... – Выражение горечи сменилось грустью, а потом он неожиданно широко зевнул, сверкнув в полутьме комнаты ослепительно белыми зубами. – И мне очень хочется спать.

Лима зевнула в ответ. Ей очень хотелось того же самого.

– Ладно, – кивнула она. – Давай спать. Утро вечера мудренее. Сейчас я пойду в душ, а ты оставайся здесь. – Она вдруг глуповато хихикнула, удивив саму себя. – И переноситься ко мне в душ не надо. Не думаю, что ты это сделаешь, но так, на всякий случай, имеет смысл предупредить.

Лицо резко побледнело, черные густые брови на нем стали видны особенно четко.

– Ты что о себе думаешь, женщина?! – бухнул он с такой силой, что плафоны в люстре зазвенели, стукнувшись друг о друга. – Ты видишь, как я выгляжу? Зачем ты мне нужна? Или ты думаешь, что все горцы озабоченные, даже те, у которых и тела-то нет?

Это была последняя капля. Лима вдохнула и на выдохе... разревелась. Слезы текли по щекам бесконечным горячим водопадом, рыдания вырывались из-за полуоткрытых губ. Она закрыла лицо руками и выбежала из комнаты. «Мне еще не хватало, чтобы какая-то идиотская голова кавказского происхождения на меня кричала, – думала она, отрывистыми движениями снимая с себя одежду в ванной и залезая под плотные струи воды из душа. – Что вообще здесь происходит? Если я сошла с ума, почему это не могло произойти как-нибудь более спокойно и буднично?»

Вода, как это обычно и бывает, смыла и усталость с тела, и обиду из мыслей. Вытираясь полотенцем и облачаясь в пижаму, Лима успокоилась и на гостя больше не злилась. Если задуматься, на него не обижаться надо, ему бы посочувствовать. Если бы она в один ужасный день потеряла тело и осталась живой головой, вдобавок ничего о себе не помнящей, вряд ли это бы улучшило ее настроение. Так что в комнату она возвращалась уже спокойной, расслабленной и желающей только одного – спать. А все сложности, вопросы и проблемы можно обсудить и решить завтра.

Голова по-прежнему лежала в бескаркасном кресле, с закрытыми глазами, с лицом, повернутым к двери, и когда девушка вошла, глаза открылись. Он секунду посмотрел на нее, потом очень тихо, почти шепотом, с усилившимся кавказским акцентом произнес:

– Прости меня, пожалуйста. Я был неправ. Просто устал очень. – Он закусил испачканную коричневым губу. – И не помню почти ничего. Это так злит! – Тяжелый вздох пронесся по комнате и растаял. – Ты хорошая, добрая девушка. Ты не оставила меня там одного. И я очень тебе благодарен. Извини.

Лима улыбнулась. Она давно уже не сердилась, только акцент все еще резал ухо. Впрочем, у них были вопросы посерьезнее акцента, а к нему как-нибудь можно привыкнуть.

– Ничего, – сказала она. – Кажется, я понимаю. Давай просто отдохнем, а завтра видно будет. И лицо бы тебе вытереть, в чем бы та там не выпачкался. Не возражаешь?

– Давай, – согласился он. Помолчал и добавил извиняющимся тоном: – А попить можно? Девушка замерла на мгновение, потом рассмеялась.

– Как ты относишься к чаю?

– Хорошо отношусь. – Голова попыталась кивнуть.

– Тогда пойдем на кухню. – Она подхватила своего странного гостя обеими руками и потащила в указанном направлении. Страшно больше совсем не было – наверное, именно так люди с ума и сходят.

Глава 2. Домашний уют

Все, что мне нужно, – это комната, где можно положить шляпу и нескольких друзей.

Д. Паркер

Лима Воронина была девушкой совершенно обыкновенной, каких в России миллионы: среднего роста, стройная, русоволосая, сероглазая. Из толпы ничем примечательным не выделялась, обожала джинсы и удобные свободные рубашки, носила кроссовки в любое время года, курила, пила пиво и работала менеджером отдела распространения в одном небольшом частном издательстве. Жила она в пусть небольшой и не новой, но все-таки собственной квартире, купленной несколько лет назад вскладчину: частично на покупку пошла доля тех денег, что были выручены с продажи домика бабушки и дедушки после их смерти, частично «спонсорская помощь» родителей, частично собственные сбережения Лимы. Работать она пошла сразу же после школы, решив, что достаточно училась и теперь совершенно не желает тратить еще несколько лет на вуз или, скажем, колледж. При этом из родительского дома она не ушла – ее пока все устраивало, – так что какие-никакие деньги, сэкономленные на съеме жилья, откладываться удавалось.

Родители Лимы были людьми доброжелательными, веселыми, сердечными и обожающими всяческие компании, застолья, праздники. В их квартире всегда былолюдно и шумно, звучали песни и смех, пахло вкусной едой, и единственное, чего не было никогда, – это тишины. Разве что совсем поздней ночью, когда очередные гости расходились по домам, а до прихода новых было еще очень далеко, наступало затишье, и в эти моменты приходило ощущение того, что чего-то не хватает. Девушка очень долго не понимала, чего именно, и только когда переехала на отдельные квадратные метры, осознала: все эти годы ей не хватало тишины. Тишины и личного пространства, куда поминутно не вторгался бы кто-то, пусть даже изначально приятный и любимый. Теперь, будучи сама себе хозяйкой, Лима ревностно относилась к собственной свободе, гостей приглашала редко и в небольшом количестве. При всей ее общительности и широком круге знакомств квартира оставалась местом уединения, этакой берлогой зверя-одиночки. Родители ворчали по поводу того, что дочь не поддерживает стиль жизни, в котором они ее воспитали. Столь резкой смены жизненного уклада понять они не могли, но другого варианта, кроме как смириться с ее выбором, у них не оставалось.

Лима своих родителей очень любила. Особой близости между ними не было, но отношения поддерживались стабильно ровными, хоть и несколько поверхностными. В тайны она их не посвящала, лишний раз за советом не прибегала, но всегда знала, что в родительском доме ее ждут и рады, когда бы она ни пришла и что бы в ее жизни ни приключилось.

Папа, Юрий Викторович, шутник и балагур, всю жизнь проработал водителем автобуса на междугородних рейсах, объехал половину страны, а после развала Союза и падения «железного занавеса» – еще и пол-Европы. Он многое видел, многое помнил, у него была уйма знакомых, друзей и приятелей практически в любом городе, куда бы ни забросила его судьба. Каждый раз в преддверии Нового года в почтовый ящик Ворониных сыпались поздравительные открытки с разномастными штампами, их складывали в отдельную коробочку и не спеша рассматривали и читали под елочкой во время новогодних праздников. Соответственно, и они сами также рассылали поздравительные открытки родным и знакомым, а иногда, если рабочий маршрут позволял, Юрий Викторович доставлял их лично.

– Знаешь, Лимка, – частенько говорил он дочери, – в этом мире есть только одно настоящее богатство: люди. Если ты это усвоишь, никогда не будешь ни бедной, ни несчастной, ни одинокой. Находи и береги своих людей, поддерживай с ними связь – и они будут с тобой

и в горе, и в радости. – Потом он лукаво подмигивал и добавлял: – Правда, это не всегда будут одни и те же люди.

Мама, София Сергеевна, трудолюбивая, сильная женщина, происходила из крестьянской семьи. Работа всегда спорилась в ее руках, и в детстве Лима искренне верила в то, что нет на свете такого дела, которое мама не умела бы делать. Будучи портнихой, она шила тогда еще маленькой дочери красивые платья, которых в советские времена в магазинах было не купить, шила элегантные и необычные наряды себе и подругам. Потом, в «лихие 90-е», когда ничего, в том числе и оплачиваемой работы, не было вообще, мама Лимы подрабатывала шитьем на заказ, и частенько эти деньги помогали семье оставаться на плаву. В последние несколько лет, когда обстановка в стране стала налаживаться, женщина плотно закрепилась в ателье, владелицей которой была ее давняя, еще со времен Союза, клиентка, и шила сложные и эффектные наряды, которые стоили довольно дорого. Единственное, чего у Софии Сергеевны не было, – это коммерческой жилки. Друзья не раз говорили ей о том, что она сама могла бы организовать собственное ателье и зарабатывать совсем другие деньги, но женщина все время отнекивалась и переводила разговор на другую тему.

– Оставьте вы меня в покое с вашими ателье, – говорила она. – Я ничего в этом не понимаю. Я понимаю, как снять мерки и построить хорошую выкройку. Я знаю, как сшить одежду так, чтобы она сидела, как влитая. Я умею скрыть недостатки фигуры и подчеркнуть ее достоинства. Я на своем месте, и меня все устраивает. А вы организуйте хоть ателье, хоть гостиницу, хоть бордель, если вам так будет угодно.

Вообще-то она почти никогда не ругалась, но в подобных случаях собеседники прощали ей и резкий тон, и «бордель»: они понимали, что уже надоели Софии Сергеевне со своими советами, вот она и злится. Она имела на это право. Однако совсем избавиться от подобных советов пока не удавалось.

Имя для Лимы папа и мама выбирали вместе. Когда она родилась, Советский Союз принимал на правах страны-хозяйки XXII Олимпийские игры – те самые, где «до свиданья, наш ласковый Миша»¹, огромный поток иностранных гостей, дружба, любовь и все такое. В тот год в ЗАГСах страны регистрировали большое количество новорожденных девочек с именем Олимпиада, это был просто какой-то бум. Родители Лимы сначала тоже хотели дать это имя дочери, но потом папа решил одновременно и последовать моде, и выделиться. Так девочка стала Олимпией, в семье и для друзей – Лимой или Лимкой. Родственники и знакомые, особенно сельские, сначала были ошарашены таким необычным именем и не могли его понять.

– Вы там совсем с ума посходили, в городе своем, – ругался новоиспеченный дед Сергей, отец Софии. – Вы бы хоть о ребенке подумали! Как ей жить дальше с этим именем?

– А что не так, пап? – не понимала дочь. – Хорошее имя, современное, красивое.

– А то, что ее в школе дразнить начнут. И житья девчонке не дадут. – Дед недовольно морщился, видимо, вспоминая что-то свое. – Назвали бы вон какой-нибудь Светой или Наташей – хорошие русские имена. И красивые.

Юрий и София отшучивались, не озвучивая перед родней вслух свои мысли. Они считали, что и Света, и Наташа – имена красивые, распространенные и привычные, но уже несколько банальные. И девочку свою они продолжали звать так, как регистрировали. Постепенно все привыкли и тему больше не поднимали.

Правда, частично дедушка Сергей оказался прав: в детском саду, а потом в школе необычное имя все-таки притягивало внимание, но особенных хлопот владелице не доставляло. Девочка унаследовала характеры родителей: была общительна, весела и жизнерадостна, умела находить общий язык с окружающими, а тем, кто все-таки продолжал ее задираить, она без колебаний била лицо, и связываться с ней уже не хотелось. Став взрослой, Лима оконча-

¹ Песня «До свиданья, Москва», музыка А. Пахмутова, слова Н. Добронравов.

тельно прочувствовала прелесть необычного имени, и, знакомясь, скажем, с новым кавалером, искренне наслаждалась его удивлением и с удовольствием принимала комплименты. А еще можно было быть уверенной, что уж ее-то ни с кем не перепутают.

Однако при всей необычности имени и довольно легком и уживчивом характере, отношения с противоположным полом у нее не особенно складывались. К двадцати двум годам она встречалась всего с тремя парнями, в то время как многие из ее приятельниц уже успели выйти замуж, а кто-то даже стал мамой. Первый кавалер возник в ее жизни в старших классах школы, и они вместе ходили на рок-концерты. Второй был ее коллегой в издательстве, он работал дизайнером и увлекался фотографией. Именно с его легкой руки у Лимы появились фотопортреты, на которых она сама себе нравилась, хотя раньше искренне считала, что нефотогенична. А третий, отбивший ее у предыдущего и ставший ее первым мужчиной в самом интимном смысле слова, был недавно переехавшим в ее подъезд соседом, продавцом бытовой техники и заядлым спортсменом. Он обладал телом потрясающей красоты, подтянутым, стройным и сильным, от одного вида которого у девушки перехватывало дыхание, ухаживал за собой и вообще много внимания уделял своему внешнему виду. Правда, и этот роман не продлился долго – их отношения каким-то непостижимым образом перешли от любовных к дружеским и таковыми оставались до сих пор. И Лима чувствовала, что именно в таком качестве с Ваней ей комфортнее всего.

Работа, дававшая не слишком большой, но все-таки стабильный и постоянный доход, давно была для девушки привычной и знакомой. В издательстве «Весна» Лима работала вот уже несколько лет, начав с должности упаковщицы, потом поработав какое-то время оператором на телефоне, курьером и наконец закрепившись в отделе распространения в качестве менеджера. Оказавшись на этом месте и погрузившись в новую работу, через пару месяцев она предложила начальнику отдела несколько нововведений, позволивших значительно упростить и работу с типографиями, и доставку газет, которые выпускало издательство, и даже в некоторой степени ускорить процесс обработки тиражей и сдачи заказов в печать. Это добавило девушке призовых очков в виде большего доверия и лояльности со стороны руководства, а также повышения зарплаты, что для нее, разумеется, было совсем не лишним. Ко всему прочему, в один прекрасный день директор Владимир Валерьевич, сухощавый мужчина около тридцати лет, с неопределенно-азиатскими чертами лица, задержал ее, когда она принесла документы ему на подпись, и в витиеватых выражениях, которые он очень любил, посоветовал Лиме все-таки поступить на заочное отделение в какой-нибудь вуз.

– Знаете, Олимпия, – сказал он, – сейчас такое время, когда умные и активные люди очень ценятся. Но, к сожалению, отсутствие у Вас не только высшего, но даже среднего специального образования не дает мне возможности продвигать Вас по карьерной лестнице. А я считаю, что для издательства Вы можете принести большую пользу, поскольку работаете у нас давно, знаете всю нашу кухню изнутри и умеете замечать ее плюсы и минусы.

Девушка покраснела и не придумала, что ответить.

– Подумайте над моим предложением, Олимпия, – продолжил мужчина. – Вам совершенно необходимо высшее образование. Со своей стороны могу пообещать Вам поддержку во время сессий, в том числе материальную, если понадобится.

Лима смущенно поблагодарила и выбежала из кабинета, едва не забыв папку с документами на столе у шефа. Она не знала, что и думать. Через несколько дней она пришла к Владимиру Валерьевичу и сообщила, что выбрала и вуз, и специальность.

Теперь, два года спустя, она закончила второй курс факультета управления по специальности менеджмент и честно отдыхала от праведных трудов. Одновременно работать и учиться оказалось непросто, но в целом интересно, так что жаловаться ей было не на что, тем более что шеф подсутился и нашел для нее людей, которые помогли поступить на бюджетное место. Денег на обучение она не тратила.

Проснувшись и лежа в постели с закрытыми глазами, понимая, что сегодня выходной и никуда спешить не нужно, девушка думала, отчего бы это вдруг ей приснился такой странный сон. Снилось ей в эту ночь, что она пила чай на своей кухне. На небольшом обеденном столе у окна стоял большой пузатый чайник, из носика которого струился ароматный пар. В нем в крутом кипятке настаивался крупнолистовой черный чай, смешанный с лепестками розы, ягодами шиповника и земляники. Пахло изумительно, как в летнем лесу, – так, что слюнки текли. На небольшой тарелочке были аккуратно разложены тонко нарезанная колбаса и ломтики сыра. Рядом стояла плетеная корзинка, в которой на белой салфетке ждали своего часа кусочки серого и белого хлеба. Возле самого чайника стояла тонкая розетка, просвечивающая густым янтарем свежего меда.

Однако за столом она была не одна. На другой его стороне, освобожденной от приборов, стояла на крепкой шее черноволосая мужская голова, которую она осторожно, с ложечки, поила свежесваренным чаем. От еды необычный гость отказался, сказав лишь, что есть не может и не хочет, а вот горячего и ароматного попьет с удовольствием. Так что она поила его и в перерывах прикладывалась к своей чашке и таскала с тарелки колбасу и сыр. Они почти не разговаривали, перекидываясь лишь репликами, касающимися непосредственно чаепития. И Лима отчего-то совсем не нервничала, словно такое времяпрепровождение было для нее в порядке вещей, – с аппетитом ела, пила вкусный свежий чай, поила гостя и даже, кажется, улыбалась.

Когда с чаем было покончено, она убрала все со стола и понесла голову обеими руками в комнату, где уложила на мягкое бескаркасное кресло. Это кресло сшила ей мама на новоселье, найдя интересную и необычную штуку то ли в каком-то иностранном каталоге, то ли в сериале. И Лима его очень любила, в нем очень удобно было читать. Голова тоже оценила комфорт и устроилась в выемке кресла, устало закрыв глаза. Лима тоже улеглась, выключив свет, и пожелала своему гостю спокойной ночи. Уже засыпая, она услышала тихий глубокий бас:

– Ты так и не сказала, как тебя зовут.

– Лима, – прошептала она так же тихо, даже не надеясь, что он услышит, и уже провалившись в сон.

– Лима, – прогудел рядом вкрадчивый бас, – я знаю, что ты уже не спишь. Доброе утро!

– Едрёна мать! – вскрикнула девушка, открывая глаза. На кресле лежала давешняя голова из сновидений. – Так ты настоящий! Это был не сон!

Тонкие губы на смуглом горбоносом лице изобразили вполне искреннюю грустную улыбку.

– Поверь, я бы обрадовался больше всех, если бы это бы всего лишь сон, – снова проба-сила голова. – Но, увы, это все на самом деле.

Девушка, не успев оправиться от удивления, автоматически скинула ноги с дивана и почесала макушку сквозь спутанные со сна волосы.

– Извини, – сказала она. – Я действительно думала, что мне все это привиделось. Доброе утро.

Голова покрутилась в кресле, видимо, пытаясь найти удобное положение.

– Я вспомнил, как меня зовут. – Бас с ярко выраженным кавказским акцентом прозвучал так глубоко, что по коже девушки побежали мурашки. – Я Самад.

– Самад, – повторила Лима, словно пробуя необычное слово на вкус. – Красиво. Рада познакомиться с тобой, Самад. – И улыбнулась. – Хочешь чаю?

Они опять пили чай в кухне, как прошлой ночью. Усилиям, оказавшимся неожиданно привычным, Лима перенесла голову Самада и поставила на стол, а потом, поддавшись эмоциональному порыву, расчесала пальцами его спутанные темные волосы.

– Тебе бы голову помыть, – задумчиво сказала она, подумала немного и рассмеялась, осознав, как странно прозвучало это предложение по отношению к кому-то, у кого только голова и есть.

Самад поддержал ее смех, даже не обидевшись.

– Давай сначала чаю, – попросил он, – а уже потом гигиену.

Лима слушала этот голос и постоянно ощущала, как его низкие вибрации отдаются глубоко в ее теле. Таких голосов в жизни она еще не встречала, и это было интересно и одновременно пугающе. Хотя, если принять во внимание всю ситуацию целиком, впору не только испугаться, но и убежать прочь с криками.

Утром девушка заварила черничный чай, и он тоже пришелся по душе ее необычному гостю. Они позавтракали, и на этот раз разговор понемногу налаживался.

– Я вспомнил еще кое-что, – признался Самад.

– Что же?

– Ты меня спрашивала вчера, как я оказался на газоне. Видишь, я даже твой вопрос помню. – Он позволил себе улыбнуться, пока девушка поглощала бутерброд, и она кивнула в ответ, показывая, что слышит и следит за его речью. – Меня никто сюда не привозил, я перенесся сам. Только не спрашивай, как и почему, – я не отвечу. Потому что не знаю.

Лима положила недоеденный бутерброд на тарелочку и протянула руку, чтобы помочь странному сотрапезнику сделать еще несколько глотков чая.

– Ты не знаешь, как ты переносишься? То есть? Ты не помнишь? Летишь по воздуху? Или, как в фантастических романах, телепортируешься?

Голова попыталась изобразить отрицающее покачивание и едва не свалилась со стола. Пришлось спешно подпрыгнуть и поймать ее. Только головы с сотрясением мозга Лиме еще и не хватало.

– Я не знаю, – произнес Самад, поняв, что пытаться отвечать жестами в такой обстановке может быть опасно. – Я просто желаю оказаться в каком-то месте, и если хорошо сосредоточиться, обычно там и оказываюсь. Наверное, это больше похоже на телепортацию. Правда, не всегда получается, уж не знаю почему.

Лима хихикнула. В какой-то миг она словно увидела картинку со стороны. За столом полуодетая девушка, на столе напротив нее – мужская голова без тела, которая пьет чай и спокойно делится опытом пространственных перемещений. И все это в такой безмятежной обстановке, словно только так и должно быть, и ничего удивительного в этом нет. Она еще раз хихикнула. Как быстро, оказывается, человеческая психика принимает новое! Еще вчера вечером она была уверена, что страдает галлюцинациями. Теперь же, похоже, она перестала страдать и стала получать от них удовольствие.

– Почему ты смеешься? – насупил соболиные брови Самад. – Я сказал что-то смешное? – Кажется, он собирался обидеться.

– Нет, что ты! Совсем нет. Забавно другое. Меня уже не пугает твой облик и твоя, с позволения сказать, форма. Я удивительно быстро привыкла к тому, что говорящие головы бывают не только в телевизоре, а еще только вчера, увидев тебя, решила, что точно сошла с ума.

Голова задумчиво смотрела на нее.

– На твоём месте я не радовался бы раньше времени, – предупредил мужчина. – Может быть, мы оба сошли с ума. Ведь мы же взрослые люди и понимаем, что говорящих голов не бывает, они не умеют телепортироваться своей волей из одного места в другое, и уже тем более не умеют пить чай.

Повисла долгая неудобная пауза. Лима отвела глаза, да и Самад не особенно стремился нарушить тишину. С улицы доносился шум проезжающих автомобилей, легкий ветерок качал занавеску, неяркий утренний свет наполнял кухню легким сиянием.

– И все-таки что ты вспомнил еще? – первой заговорила девушка. – Откуда ты? Кто ты? Как с тобой это произошло?

Молчание. Отведенный взгляд. Глубокий горестный вздох.

– И почему ты вчера так торопил меня, чтобы я ушла с улицы и забрала тебя? Это было опасно? Почему?

Снова тишина в ответ.

– Самад! Ты же понимаешь, что я не смогу ничем тебе помочь, если не буду знать, что произошло. Просто не смогу, хоть и хочу. – Она сделала паузу, допила чай из чашки, поставила ее обратно на стол. – Еще вчера не хотела, а сегодня хочу.

– А что изменилось? – не смог удержаться от вопроса мужчина.

Лима улыбнулась.

– Судя по внешности иговору, ты человек гор, и ты задаешь мне такой вопрос? – искоса посмотрела она на гостя.

Голова снова попыталась покачаться в знак непонимания, и снова ее пришлось ловить.

– Не понимаю, – пробасил Самад.

– Ты мой гость. Мы разделили кров и стол. Судя по тому, как ты выглядишь, ты оказался в затруднительном положении.

Взгляд темных глаз впился в нее голодным вампиром. Ожидание и надежда были в этом взгляде. И совсем немного страх, но, насколько Лима знала горячих горских парней, они скорее умерли бы, чем признались в нем кому-то, – а тем более женщине.

– А еще я подумала вот о чем, – продолжила она. – Почему-то вчера, когда ко мне подошел тот мужик, видела тебя только я. Он тебя не видел. Не играл, не притворялся – просто не видел. Почему?

Тонкие губы поджались, словно пытались спрятаться от ее внимательного вопросительного взгляда.

– Почему, Самад? Или этого ты тоже не помнишь?

Мужчина глубоко вздохнул и едва слышно произнес:

– Спасибо тебе. – Перевел дух и добавил: – Ты правильно мыслишь. Я был на вашем газоне несколько часов, даже светлое время суток застал, но никто ко мне не подошел. Меня никто не видел. Если бы увидели, вряд ли смогли бы скрыть это. Никто меня не заметил. Ты единственная. – Он снова вздохнул. – Так что я подозреваю, что не зря оказался именно возле твоего дома.

– Получается, я просто обязана тебе помочь, – обреченно кивнула девушка. – И помогу, если смогу понять, что происходит. Ты расскажешь мне?

– Расскажу. Все, что помню.

Глава 3. Первая ласточка

Что такое «друг»: это тот, чье предательство становится для нас самым большим сюрпризом.

Б. Вербер

Голову Лима нашла в субботу. В воскресенье Самад озадачил ее своими воспоминаниями, и потом половину ночи девушка не могла уснуть, все думала и думала, что делать теперь и как себя вести. Дельных мыслей в голову не приходило, и это злило, а значит, еще больше раздражало и мешало спать. Человек-голова, видимо, слышал ее кружения в постели и горестно вздыхал каждый раз, когда она меняла позу, – похоже, ему тоже не давали покоя вопросы. А может, он просто страдал от того, что с ним произошло, или вообще пытался вспомнить что-то еще, но у него не получалось. Так или иначе они опять долго не спали, а потом утром Лима ругалась матом на будильник, требовавший, чтобы она проснулась и стала собираться на работу.

– Лима, как тебе не стыдно? – не выдержав, подал голос из кресла Самад. – Ты же женщина, девушка, и так ругаешься! Разве пристало приличной девушке говорить такие слова?

Лиму одолевало плохое настроение, и ей совсем не интересно было слушать, как ее отчитывают, тем более если это делает полужнакомая кавказская голова. Она не любила выходцев с гор в принципе, как вид, поскольку опыт ее общения с несколькими представителями разных народов Кавказа показал ей, что их и ее собственные понятия о жизни – явления, не способные пересечься ни при каких условиях. Она не была ни скромной, ни покорной мужчине, ненавидела говорить тихим голосом, в ее гардеробе не было длинных платьев, а шаг ее был широким и размашистым. Плюс к тому она и крепким словом не брезговала, и курила, и выпить время от времени могла. И никогда не признала бы главенства мужчины над собой только по его половой принадлежности.

– Самад, по утрам в понедельник, особенно после бессонной ночи, я вообще и близко не приличная, – заявила она, вставая с дивана, лениво потягиваясь и пытаясь на ощупь найти заколку для волос. Глаза бунтовали против такого насилия над организмом и открываться не хотели категорически. – Поэтому, если тебя так коробят мои выражения, закопайся поглубже в кресло – может, там не будет так хорошо меня слышно.

Самад насупил брови и, кажется, собрался ответить что-то нелицеприятное для хозяйки дома, но не успел: в дверь позвонили. Две пары глаз переглянулись недоумевающе.

– Половина седьмого, кто бы это мог быть? – подумала вслух Лима. – Я никого не жду так рано.

Звонок повторился, потом еще раз. Лицо Самада стало озабоченным, словно он силился что-то вспомнить – и не мог. Звонок прозвучал еще раз, и это уже было либо чрезвычайное происшествие, либо откровенное свинство. Лима накинула халат, которым пользовалась, что называется, в год раз на заказ, и шагнула в прихожую с твердым намерением разъяснить настойчивому незваному гостю особенности принятого в их местности этикета. В спину ударил голос Самада:

– Лима, будь осторожна. Мне кажется, это за мной.

Девушка без каких-либо переходов крутанулась на месте, оказавшись снова лицом к лицу с загадочной головой.

– А ну-ка, давай по существу и быстро! – потребовала она. – Кто, откуда и почему ко мне?

Если бы у мужчины имелись в наличии плечи, он точно пожал бы ими, но за неимением оных просто сказал:

– Мне кажется, меня ищут. Не знают точно, где именно я нахожусь, но смогли определить примерный район моего местонахождения. – Он поднял глаза и умоляюще посмотрел на девушку: – Пожалуйста, будь осторожна. А я пока попробую переместиться в ванную, на всякий случай.

– Ну уж нет! – возразила она. – Еще промахнешься куда-нибудь, ищи тебя потом.

Лима подхватила голову на руки и отнесла в ванную, удобно устроив на банкетке, накрытой махровым полотенцем. Заодно и свое лицо водой сполоснула, чтобы хоть как-то проснуться и выглядеть безобидно. Почему-то она поверила новому знакомому и хотела быть готова ко всему, хоть и понимала, что ко всему быть готовой невозможно.

Звонок продолжал повторяться с завидной периодичностью. В таком исполнении он, наверное, поднял бы и мертвого, причем тот встал бы однозначно в скверном расположении духа. Когда Лима открыла дверь, выражение ее лица не обещало звонившему ничего хорошего. За дверью, в общем с соседями полутемном тамбуре, стоял мужчина среднего роста с непримечательной внешностью, которого девушка забыла бы уже минут через пять после встречи, если бы не его глаза – внимательные, словно просвечивавшие ее насквозь. Именно эти глаза подсказали ей, что Самад, похоже, был прав.

– Доброе утро, – вежливо произнес пришелец, продолжая сверлить девушку взглядом.

– Вот это уж вряд ли, – недружелюбно отозвалась она. – Какого демона Вас носит в такое время суток? Вы часами вообще пользоваться умеете?

Мужчина изобразил губами улыбку, так и не добравшуюся до глаз.

– Я разбудил Вас? Простите великодушно! Но дело срочное, и ждать оно не может, поэтому я и мои коллеги вынуждены будить жильцов Вашего дома в такую рань.

Лима совершенно искренне зевнула и лениво прикрыла рот ладонью.

– Кто умер? – поинтересовалась она.

Кажется, такого вопроса незваный гость не ожидал.

– В каком смысле? – нахмутив брови, спросил он. На его лице отражалось, с каким трудом он пытается понять, о чем она говорит.

Лима продолжала отыгрывать раздраженную со сна невоспитанную девицу. Она почесала затылок, потом пригладила волосы и как бы нехотя пояснила:

– В понедельник утром так настойчиво звонят обычно в случае, если кто-то умер. Или если кого-то убивают. Так кого убили?

Мужик сглотнул. Видимо, что-то такое действительно должно было произойти, и его это пугало, но он честно попытался взять себя в руки и почти нейтральным тоном сообщил:

– Нет, что Вы, все живы. У нас другая история, гораздо более спокойная, но оттого не менее важная.

Девушка изобразила на лице вселенскую скуку, хотя внутри нее по-прежнему все дрожало от страха и волнения.

– Давайте быстрее, – поторопила она. – Я не хочу из-за ваших проблем заиметь на работе свои собственные. Что у вас там случилось?

Мужчина переступил с ноги на ногу, вздохнул и стал рассказывать – очень быстро, как скороговоркой:

– В Вашем городе наша фирма снимала некоторые эпизоды фильма, и совершенно случайно актеры перепутали сумку с реквизитом и свои вещи. Они забрали с площадки уникального робота, сделанного в единственном экземпляре, после чего немножко заблудились в незнакомом городе и приехали куда-то к Вашему дому. Когда разобрались, уехали дальше, но где-то тут у вас выронили сумку с роботом. Сегодня нам уезжать – если мы задержимся, потеряем время и деньги, а работа нужно найти обязательно, вот мы и ходим по Вашему дому и соседним, пытаюсь выяснить, может, кто-то что-то знает или видел.

Лима кивала головой в такт его словам.

– Фильм. Сумка. Робот. Все понятно, чего ж тут непонятного? – широко зевнув, сказала она. – Сумки я не видела, это точно. Если бы увидела, наверное, вызвала бы милицию. Я, знаете ли, очень боюсь бесхозных сумок – а ну как там взрывчатка какая-нибудь? Слышали, что на Кавказе творится? Так ведь они и в глубь России свои руки тянут... Жуть просто...

При слове «взрывчатка» пришелец вздрогнул и еще раз сглотнул. При упоминании Кавказа у него дернулся уголок рта.

– Что ж, это похвально. Бдительные граждане стране нужны. – Попытка похвалить девушку провалилась, слишком отличались содержание слов и интонация, с которой они были произнесены. – Так вы точно никаких сумок не видели?

– Не видела, – теперь уже сварливо сказала девушка. – У Вас еще вопросы? Давайте быстрее, я не хочу опоздать на работу.

– Скажите, а самого робота, без сумки, Вы не видели?

– А я откуда знаю? – пожала плечами Лима. У нее, в отличие от Самада, было чем пожить. – Как он выглядел, этот ваш робот?

– Как голова, – поспешил ответить мужчина. – Мужская голова в натуральную величину. Темноволосая, нос с горбинкой, густые брови, тонкие губы, возраст примерно тридцать с небольшим.

Лима замерла. Неведомое шестое чувство кричало внутри нее об опасности. Тут нужно было действовать аккуратно. Она изобразила работу мысли, подчеркивая и выражением лица, и позой, как тяжело ей это дается в понедельник утром, потом хлопнула себя по лбу.

– Так вот что это было! А я-то решила, что пить надо меньше! – воскликнула она.

– Вы видели его? – Собеседник подобрался. – Где?

– Да здесь, во дворе, возле дома, как раз субботней ночью. Я с вечеринки возвращалась, увидела какую-то штуку на газоне, посмотрела – голова. Что за фигня, думаю. Мимо мужик какой-то проходил, я его спросила, видит ли он голову, он обозвал меня наркоманкой и угрожал вызвать милицию. Я оглянулась – нет ничего. Точно, перебрала, думаю. Пришла и спать легла.

Мужчина ловил каждое ее слово, даже, кажется, дышал редко и поверхностно, чтобы ничего не упустить.

– Так она и правда была, голова эта? У меня еще нет белочки?

– Нет, что Вы! Все с Вами хорошо, – поспешил уверить Лиму пришелец. – Так куда она делась?

– А я откуда знаю? – Лима развела руками. – Была и куда-то пропала. Может, укатилась в подвал или под лестницу. Я не знаю, темно было.

Мужик уловил угрожающие нотки в ее голосе и быстренько поблагодарил за помощь, после чего ретировался.

Лима вернулась в квартиру, заперла дверь на все замки и без сил опустилась на пол. Ноги не держали. Ощущение того, что мимо уха просвистела пуля, только чудом не попав в голову, было очень реальным. «Его ищут! – торопливой морзянкой пульсировала в мозгу пугающая мысль. – Его целенаправленно ищут здесь, у нас. А что, если найдут?» Было так страшно, что ни о чем другом думать она не могла. «Господи, что будет, если они найдут его у меня? Нам же тогда обоим крышка!»

Внезапно рядом раздался тихий шелест, как будто кто-то тайком, под одеялом, разворачивал вкусную конфету, стараясь, чтобы об этом никто не узнал, – и на полу, рядом с ее ногой, слегка касаясь обнаженной лодыжки жесткими волосами, из ниоткуда появился Самад. Лима уже не очень удивлялась этой его способности, но сейчас его появление напугало ее своей неожиданностью.

– Что? – резко выдохнул он. – Кто?

– Ты был прав. Тебя ищут. Они знают, что ты тут был вечером субботы. Прочесывают дом под какой-то идиотской легендой. Видимо, операцию придумывали бегом, план писали на коленке левой пяткой, потому и история получилась такая бездарная, отовсюду нитки торчат. – Девушка ощущала, как дрожат ее руки, стучат зубы, как мурашки бегают по коже стадами и отарами.

– Что ты ему сказала? – прогудел Самад.

Пришлось рассказывать в подробностях и лицах, благо все было еще свежо в памяти. Выслушав, мужчина сказал:

– Нужно быть осторожнее. Наверное, когда тебя нет дома, меня нужно куда-то спрятать. На всякий случай.

Лима помотала головой:

– Ты перестраховываешься. С чего вдруг они сюда полезут, тем более когда меня нет? Просто потому, что какой-то наркоманке что-то привиделось? Мне кажется, они будут копать дальше, искать еще кого-то, кто что-нибудь видел, раз уж выяснили, что посмотреть было на что.

Самад с неудовольствием поцокал языком.

– Ты не права, Лима. Как раз к тебе они и могут влезть.

– Зачем?

Мужчина со страдальческой миной поднял к небу глаза, как бы призывая высшие силы засвидетельствовать глупость этой женщины.

– В разговоре ты сыграла девицу, не брезгующую крепкими напитками настолько, чтобы всерьез задумываться о галлюцинациях. Соответственно, такой особе всегда будут нужны деньги. А раз так, услышав о дороговизне и уникальности разыскиваемого «робота», ты вполне можешь и не признаться, что голову видела, сумку подобрала и принесла на всякий случай домой. Но поскольку ты глупая и безобидная, устранять тебя смысла нет, а значит, наиболее логичный способ проверить, не у тебя ли я, – забраться в квартиру в твоё отсутствие.

Лима закусила губу. Ей стало еще страшнее, потому что она четко поняла, насколько Самад прав. Теперь она ходила по лезвию ножа вместе с ним, и еще неизвестно было, кто теперь в большей опасности. Вот же вляпалась! Черт, это талант – находить проблемы на пустом месте!

– А что делать? – тихим, неуверенным голосом спросила она. – У меня в квартире нет мест, куда они при желании не добрались бы. Ни двойных стенок, ни секретных комнат, ни тайников за картинами. Как видишь, даже картин нет.

Самад задумался. Нахмуренное лицо беззвучно шевелило губами, то ли пытаясь проговорить вопрос вслух для лучшего понимания, то ли ругаясь на весь белый свет, то ли даже молясь. Потом он замер на несколько секунд, кивнул сам себе и, завалившись, едва не укатился куда-то по коридору. Лима подхватила его и подтянула обратно к себе. «От меня ты фиг уйдешь, колобок! – подумала она, скрывая улыбку. – Мне ты песенку споешь!»

– А ты не можешь взять меня с собой? – спросил он.

– Куда? – изумилась девушка. – На работу? Тогда нам точно хана.

– Необязательно. Твои сотрудники, скорее всего, меня тоже не увидят.

– Ты предлагаешь надеяться на авось? – Лима фыркнула. – Авось не увидят. Авось не найдут. Авось не заметят. – Она снова нервно почесала макушку. – Даже если не увидят тебя, ко мне будут вопросы: почему я так странно держу руки, что за звуки непонятные и откуда они раздаются – и все такое прочее.

– А если воспользоваться идеей твоего гостя и носить меня в сумке?

– Так мы точно привлечем к себе ненужное внимание, – отрезала Лима.

Повисло молчание. Шел активный поиск решения, но, к сожалению, был он пока что безрезультатным.

– Хорошо, – наконец согласился мужчина. – Давай я останусь дома и, если что, попытаюсь куда-нибудь переместиться. Если не получится – что ж, по крайней мере, я уведу погоню от тебя и буду дальше сам как-то выпутываться. – Он грустно вздохнул. – Хотя без твоей помощи это будет практически невозможно.

Девушка ответила ему грустной улыбкой. Ей совсем не хотелось думать о плохом, и она надеялась на лучшее, но прекрасно понимала, что и худшее вполне возможно.

Очень странно было видеть свое тело откуда-то со стороны и при этом чувствовать боль, разливающуюся по нему, разрывающую нервы своей силой. Ему совершенно не нравилось видеть и ощущать себя таким истерзанным, избитым, израненным и при этом еще страшнее было осознавать себя слабым, неспособным защититься, победить врага и выйти из сражения победителем. Досражался. Повоевал, хватит. Теперь уже вряд ли будет что-то еще: судя по изнуряющей боли, состоянию тела и этой странной способности посмотреть на него со стороны, закончились его сражения на земле. Достали все-таки. Так странно и так обидно. И особенно обидно то, что никто за него не отомстит, – родные просто не будут знать, кому и за что нужно мстить.

Его окровавленное, избитое тело лежало на столе, возле которого стояли несколько человек в светлой операционной униформе. Прямо-таки картинка из голливудского фильма! Добрые и самоотверженные ученые борются за жизнь покалеченного в бою солдата, пытаются понять, что с ним произошло, и максимально быстро его спасти. Борются, да уж. Как бы не так! Слева от головы лежащего на столе тела – его тела, между прочим! – стоял Он. Высокий крупный блондин, выглядевший слегка неуклюжим, но таковым не бывший ни минуты своей жизни. Близкий друг и, как выяснилось сейчас, злейший враг. Неверный. Артур. Тот самый, кто оказался готов пожертвовать ради личной выгоды не только их дружбой, но и жизнью, исследованиями и работой нескольких лет, а возможно, даже посмертием теперь уже бывшего друга.

– Давайте попробуем еще раз, – попросил он коллег. – Я все просчитал еще вместе с ним, а у Самада всегда была светлая голова. – Он сделал паузу и легко улыбнулся. – Делаем еще одно вливание, запускаем сердце, а я читаю формулу. Только убедительная просьба не мешать мне и не сбивать, когда я начну читать. Если кто-то опять меня собьет, ляжет на этот стол следующим. Ясно?

Голос его звучал нейтрально, угрозы в нем не было, и, если не знать языка, можно было бы подумать, что шеф группы просто раздает указания подчиненным или комментирует рабочий процесс. Все почти синхронно кивнули, не произнеся ни слова.

«Грязные собаки! – гневно подумал Самад. – Чтоб вы все сгорели, проклятые!»

Тем временем ему в вену ввели какое-то жгучее вещество, от которого и до того нестерпимая боль стала просто убийственной. Электрический разряд подбросил его тело вверх, и мужчина закричал бы, если бы мог, чтобы хоть как-то выплеснуть раздражающее его на части страдание. Но он не мог. Не понимал почему, но не мог. А потом раздалось какое-то тягучее завывание, похожее одновременно и на вой ветра в горном ущелье, и на песни волков, и на стон склоняющихся под ветром деревьев. И от этого звука, казалось, вся душа его завибрировала в унисон, а потом словно раскололась, разлетелась веером мелких кусочков, ярких и блестящих, в каждом из которых сияло и постепенно гасло его отражение...

– ... Ты смотри, кажется, получилось! – раздался откуда-то сверху радостный мужской голос. – Ну надо же! Как живой!

– Точно, – поддакнул второй мужчина. – Не отличишь!

Он открыл глаза и тут же зажмурился, зашипев сквозь зубы: слепящий свет причинил острую боль, проникшую прямо в мозг, точно ножами в глазницы ткнули.

– Тише вы, не кричите! – резко вступила женщина. – Мне кажется, он нас слышит. Он только что пытался открыть глаза.

– Правда? – Первый мужчина зазвучал совсем близко, почти у лица, и его пахнущее мятными пастилками дыхание зашепотало кожу, вызвав почему-то приступ гадливости. – Эй, ты слышишь меня? Мы сейчас приглушим свет, ты можешь открыть глаза.

Тут он понял, чей это голос, узнал его и в следующий миг вспомнил то, что произошло раньше. Но боли почему-то больше не было. Совсем. Как и каких-либо иных ощущений в теле. Так странно и так непонятно. Что такого могло случиться с его телом, чтобы совсем ничего не чувствовать?

– Ну, давай же, открой глаза! – повторил Артур нетерпеливо, снова обдавая ноздри мятной. – Больно не будет. – Он неожиданно хихикнул.

– Что смеешься, собака? – с трудом выталкивая воздух сквозь пересохший рот, произнес он, размыкая веки. – Смешно издеваться над тем, кого ты только недавно называл братом? Дай только время, ты мне заплатишь за свое предательство!

В ответ раздался дружный хохот. Смеялись все четверо наклонившихся над ним человек: трое мужчин разного возраста и красивая блондинка с хищным выражением лица, по виду – его ровесница.

– Ух ты! – восхитился бывший друг. – Узнаю нашего Самада. Смерть совсем не изменила тебя, все такой же нестигаемый боец. – Стоявшие рядом продолжали согласно подхихикивать. – Сила духа, сила воли и все такое... Только видишь ли, дорогой, ничего мне ты сделать не сможешь хотя бы потому, что нечем тебе это делать.

Артур умолк и еще ближе наклонился к лицу своей жертвы, так близко, что, казалось, он его вот-вот поцелует.

– Понимаешь, у нас все получилось. Даже больше и лучше, чем я мог предполагать. Я доработал наши с тобой расчеты. – Он снова улыбнулся и медленно, растягивая слова, прошептал: – У тебя нет ног, чтобы меня догнать. У тебя нет рук, чтобы меня убить. У тебя нет тела, чтобы вступить в схватку со мной. Ты всего лишь неупокоенная душа, заключенная в полуживой голове. И ты полностью в моей власти. Я могу заставить тебя делать все, что захочу.

Самад плохо понимал, о чем говорит Артур, – голова по-прежнему раскалывалась, и думать было тяжело и больно, – но у него хватило ума окинуть взглядом то, что было там, дальше, за спиной склонившегося над ним мужчины. Действительно, тела не было. Совсем. Ни груди, ни плеч, ни живота, ни того, что ниже. Ничего. Так вот почему нет боли – болеть попросту нечему!

– Ты собака и сын собаки, – прорычал он прямо в лицо Артуру. – Что бы ты ни сделал, заставить меня выполнять твои приказы у тебя никогда не получится. Ты понял? Я не имею дел с убийцами и предателями.

Улыбка сползла с губ блондина, лицо обезобразила гримаса ненависти.

– Все у меня получится, Самад, – сквозь зубы, с нескрываемой злостью произнес он. – Я создал тебя таким, какой ты сейчас, и ты будешь подчиняться мне. Формула не позволит тебе меня ослушаться. Никогда. Ты будешь выполнять мои приказы. Всегда. Только мои.

Мужчина попытался выпрямиться, но не успел. Рычание снова раздалось из уст Самада, и в ту же секунду он вцепился зубами в ненавистное лицо, метя в нос, но реакция у Артура была все-таки отменная: он успел частично отклониться, и зубы жертвы мертвой хваткой вцепились в щеку мучителя. Тот взвыл и попытался оторвать от себя взбесившуюся голову, но та висела, не собираясь отцепляться.

Женщина завизжала и отпрыгнула назад. Двое оставшихся мужчин кинулись на помощь шефу, но и им не сразу удалось освободить его от намертво вцепившихся зубов. И даже когда щека была извлечена, Артур продолжал выть от боли. Самад же, по-прежнему лежа на столе,

улыбался окровавленным ртом, словно зомби или вампир из фильма ужасов, а потом громко выругался и снова потерял сознание.

Очнулся уже на газоне, засеянном густой травой и кое-где усаженном цветами. Мимо ходили люди, и он попытался позвать на помощь, но никто его не слышал. Прошло несколько часов, проведенных в полубоморочном состоянии, прежде чем на него обратила внимание симпатичная русоволосая девушка, но к тому времени он так устал и перегрелся, что практически не мог произнести ни слова, а память стала уходить, гаснуть, словно кто-то задувал ее, как свечу. Только одна мысль оставалась неизменной, главной и не давала снова отключиться: отсюда нужно поскорее уходить, его будут искать.

– И все-таки мне будет беспокойно, – сказала Лима, причесывая непослушные волосы у зеркала в прихожей. – Я все буду думать, как ты тут один.

Самад, лежавший на банкетке, успокаивающе улыбнулся.

– Как бы там ни было, если они придут, ты ничем не сможешь мне помочь, – ответил он. – Так что спокойно работай. А я пока в одиночестве подумаю – может быть, смогу вспомнить еще что-нибудь, что может оказаться для нас полезным.

Девушка пожала плечами и взялась за тюбик с помадой, нанося последние штрихи перед выходом.

– Меня очень пугает сегодняшний ранний визит, – призналась она. – Что-то подсказывает мне, что этот неприметный мужичок с «рентгеновскими» глазами – только первая ласточка, а за ним будут еще. Каким-то же образом они смогли отследить, куда ты переместился. Получается, у них есть методы для этого. Или аппаратура какая-то, нам не известная. Еще бы понять, кто такие эти «они». Ты так и не вспомнил?

– Нет, пока больше ничего. Помню только то, что уже рассказал тебе, дальше пока темно. – Видимо, от волнения или злости на себя акцент Самада стал более выраженным, так что Лима плохо его понимала. – Но мне тоже кажется, что эта «ласточка» одна не летает, рядом парит кто-то еще, и нам в скором времени все-таки придется снова встречать гостей. – Он отвел взгляд, тяжело вздохнул и добавил: – Лима, прости, что втянул тебя в это. Спасибо за то, что приютила, что помогаешь. Спасибо за то, что ты меня *увидела*.

Девушка уронила помаду и медленно повернулась к собеседнику.

– Кажется, я знаю, что нам сейчас делать.

Глава 4. Друзья-товарищи

На всякий случай запомни, может, пригодится. Друзья не бросят тебя в лесу. А вот тот, кто придет и вытащит тебя оттуда, и есть настоящий друг.

С. Дессен

Иван догнал подругу уже в нескольких метрах от автобусной остановки.

– Лимка, подожди! – Сильные пальцы с вечно обгрызенными ногтями – от этой вредной привычки его не смогла отучить ни одна из его подруг – поймали ее запястье.

– Привет, Вань! – Девушка приветливо улыбнулась другу, кивнула и не стала выдергивать руку. – Какой-то ты слишком активный для понедельника, даже завидно. Бегал сегодня с утра пораньше?

Парень кивнул, не переставая улыбаться.

– Хорошее утро для бега, не находишь?

– Не нахожу, – буркнула девушка и поежилась. – Мне бы еще часок вздремнуть, я же не бешеная спортсменка, как некоторые.

Иван отпустил ее запястье, но обнял за талию, прижимая к себе.

– Так и не смог я тебя приучить, – с почти искренней жалостью в голосе проговорил он. – Такая девушка красивая, а если тебе еще заниматься начать, вообще идеальная будешь. Давай, Лимка, а? Ну хотя бы бегать начни. Ты представляешь, какие у тебя ножки будут? А попка? Ммм... Закачаешься!

Девушка фыркнула, потом рассмеялась.

– Да у меня и так вроде ничего, никто пока не жаловался, – парировала она.

– Я уверен, подтянешь немного фигурку – и вообще от мужиков отбоя не будет.

Лима подарила ему благодарную, но немного снисходительную улыбку.

– Ванька, отстань, – миролюбиво сказала она. – Мужики мне сейчас ни к чему. Осень придет, я снова буду разрываться между работой и учебой. Мне только еще романа не хватало, чтобы совсем перестать спать, да? Нет, точно не сейчас. – Она подумала пару секунд и решила, что поощрить парня за добрые слова будет не лишним. – И вообще, лучше тебя я все равно не найду, так чего рыпаться-то?

Иван недовольно поморщился – он не очень любил, когда она вспоминала об их недолгом романе, – но все равно поцеловал девушку в висок.

– Неисправимая ты, Лимка, – признал он свое поражение. – Лентяйка.

– Ага. Я такая. – При одной только мысли о беге по утрам у Лимы начинала кружиться голова. – Каждому свое, Вань. А кстати, почему ты так стремишься отдать меня в добрые руки? Тебе не дает покоя то, что я, в отличие от тебя, свободна? – Она лукаво, искоса посмотрела на друга. – Завидуйте молча, сударь, и радуйтесь своему головокружительному роману!

– Дурында! – Парень показал подруге язык, но продолжать тему не стал. Возможно, девушка была не так уж права.

Автобус еще не подошел, и они немного отошли от скопления людей, чтобы Лима смогла наконец выкурить свою первую за утро сигарету. Дома она постеснялась курить при Самаде, справедливо полагая, что ему это и не понравится, и на пользу не пойдет. Теперь же курить хотелось просто нестерпимо. Не употреблявший никотина друг стоял рядом за компанию, стараясь, однако, не попадать под струю дыма.

– Лима, а скажи, к тебе утром сегодня тоже странные мужики заходили? – спросил он пару минут спустя.

Девушка едва не подавилась дымом. Ей совсем не хотелось говорить на эту тему. Даже Ваньке она пока не могла ничего рассказать о Самаде. Пришлось аккуратно жонглировать словами, чтобы не вызывать подозрений, и это тоже злило: из-за этой загадочной и опасной истории приходилось врать другу, чего она страшно не любила.

– Да, заходили. Чокнутые какие-то. Разбудили меня ни свет ни заря, начали какую-то пургу гнать. Еле удалось от них отделаться.

Иван задумчиво изучал перистые облака в голубом утреннем небе, словно в их ажурных узорах скрывались тайны мироздания.

– Вот я тоже так подумал, – согласился он. – Какие-то съемки, какие-то роботы, заблудившиеся артисты... Чушь полнейшая. Мне кажется, что-то тут нечисто.

Лима снова вздрогнула.

– В каком смысле? – осторожно поинтересовалась она.

По-прежнему не отводя глаз от неба, парень как бы нехотя сказал:

– Я думаю, Лим, что голова все-таки была, но не робот. И никаких съемок не было.

– А что было?

– Убийство было, – припечатал Иван. – Они кого-то убили, отрезали голову, а потом по какой-то причине ее потеряли. Уж не знаю по какой. Сама понимаешь, теперь ее ищут. И чем быстрее найдут, тем для них лучше.

– А для нас? – слова сами сорвались с ее губ вместе с выпущенной вверх струйкой дыма.

– И для нас. Потому что, чем быстрее эти странные люди найдут свою голову, тем быстрее она оставят в покое наш дом. А может, и весь район.

Лима похолодела. Рассуждения Ивана напомнили ей о воспоминаниях Самада, которыми он поделился с ней вчера, – и стало совсем страшно. Когда она подбирала голову той ночью, о подобном развитии событий даже не думала, хотя с самого начала было ясно, что происходит что-то необычное.

– Вань, а как ты думаешь, была голова у нас тут на самом деле или они просто наугад ищут ее по всем дворам?

Иван пожал плечами.

– Была, не была... Я не знаю, я не видел. А если бы и видел, прикинулся бы, что не вижу. – Он прямо и уверенно посмотрел девушке в глаза. – Мне совсем ни к чему ввязываться в бандинские разборки, Лимка, а тем более с отрезанием голов. Наши так не делают, тут без сомнения замешаны парни с Кавказа, а уж с ними вообще как-то связываться не хочется.

Лима бросила недокуренную сигарету на асфальт и нервно затоптала.

– Ну их в болото с их таинственными головами, – сказала она. – Поехали на работу лучше, вон автобус идет.

На душе у нее скребли кошки и каркали вороны, и что-то подсказывало, что только ими зверинец не ограничится.

Не успел начаться рабочий день, как на Лиму посыпались, словно из рога изобилия, вопросы, которые нужно было срочно решить, причем сделать это нужно было прямо сейчас, а еще лучше – вчера.

– Лима, – с порога начал начальник отдела Антон Никитич, – звонили из типографии, там опять какая-то ерунда с перевозчиками, надо разобраться.

– Поняла, – кивнула девушка. – Разберусь.

Начальник налил себе кофе и вопросительно посмотрел на нее, она отрицательно мотнула головой.

– А еще прислали факсом счета, нужно сегодня оплатить, ты проверь.

– Проверю. Что за счета, не помните?

Мужчина пожал плечами.

– Кажется, тоже перевозки.

Лима кивнула и тихо рыкнула.

– Подождут перевозки. У нас по договору четыре рабочих дня с момента оказания услуги. Никак я их приучить не могу. Каждый раз одно и то же.

Антон Никитич улыбнулся. Вообще-то контролировать счета должен был он, но Лима разбиралась в этом лучше, так как курировала перевозки уже несколько лет и наизусть знала все нормы, тарифы, сроки и прочие подробности договоров. К тому же она, помимо всего прочего, вела свой собственный учет, частенько находила в документах контрагентов неточности и не отдавала документы на оплату, пока ошибки не были ими исправлены, чем сэкономила фирме много денег. Девушка давно уже доказала, что делает эту работу скрупулезно и точно, так что за ней даже проверять не стоит. Это позволило начальнику отдела заниматься другими, более важными для организации делами.

– А еще Владимир Валерьевич просил, чтобы ты предоставила ему сводную таблицу по перевозкам за текущий квартал. С железнодорожниками возникли какие-то глобальные недопонимания, – добавил он.

– Хорошо, у меня все есть. Сделаю.

Рабочая круговерть на полдня выгнала из головы все лишние мысли, и о Самаде девушка вспомнила только в обеденный перерыв. Наскоро перекусив с коллегами в кафе, она вернулась в кабинет писать гневные письма и проверять срочные счета, но сердце было не на месте. Это был один из тех редких моментов, когда она жалела, что дома нет телефона, чтобы позвонить и узнать, все ли в порядке. Хотя, с другой стороны, даже если бы он и был, Самад вряд ли смог бы снять трубку. Только бы с ним было все в порядке!

Давно ставшие привычными разборки с грузоперевозчиками дали свои результаты. Скоро девушка бодро отрапортовала Антону Никитичу о том, что весь их тираж из типографии забрали, и сейчас сортировали согласно сопроводительным документам, готовить которые тоже было в обязанностях Лимы, после чего повезут по адресам столичных оптовиков. Последний пункт был самым важным во всей ее речи, поскольку нарушать график поставок этим клиентам нельзя было даже в случае взрыва типографии или конца света. У москвичей тираж должен быть точно в условленный день, и точка. Свою часть для сортировки и отправки остальным оптовикам и розничным магазинам ждали в городе по графику, через два дня, в которые можно было спокойно заняться документами, проверками данных, оплатами и прочей важной, но не срочной работой. Шеф милостиво позволил девушке сделать перерыв на кофе и сигарету, чем она не преминула воспользоваться.

Стоя на крыше пристройки, куда выходила дверь с их этажа, Лима наблюдала за проносившимися внизу по проспекту машинами, потягивая крепкий, горьковатый, едва подслащенный напиток, и опять думала об истории, в которую влипла. Сейчас, находясь на работе, в привычной среде, и не видя виновника своего душевного смятения, она охотно поверила бы, что все это – не более чем сон: и говорящая голова, и странные люди, разыскивавшие ее, и невероятная история из тех, что бывают только в фантастических романах или кино. Настолько далеким от обычной жизни все это было, что девушка даже, украдкой оглянувшись, ущипнула себя за кожу на руке, втайне надеясь проснуться. Как и следовало ожидать, было больно, а пейзаж вокруг не поменялся ни на одну деталь. Пожав плечами, она закурила и попыталась собрать в голове все, что на текущий момент знала о Самаде и том, что с ним приключилось.

Его убили, причем сделал это, насколько можно судить по небольшому кусочку воспоминаний мужчины, его лучший друг и партнер. Лима пока не могла точно сформулировать даже для себя, по каким делам Артур был партнером Самада, но, судя по антуражу, речь шла о каких-то научных разработках. Воскрешение мертвых с помощью электрического разряда и какого-то химического вещества. Какого? И каким образом? Лима не была ученым и даже не претендовала на это, однако ей всегда казалось, что воскрешение мертвых – это что-то

из Священного Писания или из фантастических книг. А электрический заряд, используемый для этих целей, – это уже Мэри Шелли², не меньше. И вот теперь приходится сталкиваться с таким в своей собственной жизни. Как к этому относиться, девушка пока понять не могла, поэтому стала собирать факты дальше.

Если принять во внимание то, что в воспоминаниях ее нового знакомого картинка воскрешения фигурировала от третьего, а не от первого лица, логично было бы предположить, что он был уже мертв и наблюдал за телом, будучи отлетевшей душой. Такое часто описывают в соответствующей литературе, и как бы Лима к ней ни относилась, рассказ Самада соответствовал тому, что должна была бы чувствовать душа, только что отделившаяся от тела в момент смерти. Тогда какого же лешего мужчина все еще продолжал чувствовать боль – невыносимую боль, как он говорил? Душа не может чувствовать боль тела, уже не находясь в нем. Тем более мертвое тело не способно ничего чувствовать. Получается, он не был мертв? Тогда как объяснить взгляд со стороны? Шаманские практики выхода из тела?

Тогда получается, что Артур Самада не воскрешал. Так? А что он тогда с ним делал? И что это за странная фраза – «Я создал тебя таким, какой ты есть»? Что имел в виду бывший друг? То, что ему удалось каким-то образом оживить отрезанную голову и заставить ее существовать без тела? Как и, главное, зачем? Какая польза от говорящей головы, кроме возможности показывать ее в цирке или шоу уродов?

Лима не замечала, что курит слишком часто, глубоко вдыхая терпкий дым и запивая каждую затяжку еще одним глотком из чашки. Она не замечала даже головокружения, появившегося у нее от такого стиля употребления кофе и табака. Ее мысли были слишком заняты сбором фактов и нанизыванием их на леску здравого смысла.

Итак, отрезанная голова бывшего лучшего друга, непонятно как и зачем созданная Артуром. Интересно, а для чего вообще создавался этот проект, о котором Артур сказал, что они просчитали «это» вместе с Самадом? Нужно будет задать ему этот вопрос – может быть, так она подстегнет его воспоминания.

– Олимпия, ты где? – позвали из коридора. – Опять куришь?

– Курю, – пожав плечами, ответила она, – и что? Между прочим, это моя вторая сигарета за день.

Позвавшая ее женщина, коллега по отделу и соседка по столу Любовь Семеновна, поравнялась с ней и недовольно сморщила курносый носик.

– А то, что тебя к телефону просят. Закругляйся и подойди. – Невысокая пышка чинно развернула свои внушительные формы в сторону кабинета.

– А кто просит, Любочка Семеновна? – Лима не спеша сделала еще одну затяжку. – Опять по доставке?

Женщина покачала головой.

– Нет, с перевозками вроде пока тихо, тьфу-тьфу. – Она суеверно постучала костяшками пальцев по растрескавшемуся косяку двери. – Там какой-то мужчина из милиции. Он представился, но я не расслышала, а переспрашивать показалось неудобным.

Лима за мгновение покрылась изнутри льдом от макушки до подошв кроссовок и не заметила, как стала тушить недокуренную сигарету в чашке с остатками кофе. «Теперь еще и милиция. Меня в чем-то подозревают? Или кто-то в квартиру забрался? – Она вздрогнула всем телом. – Что с Самадом?!» Едва не сбив коллегу, она помчалась в кабинет, только ее и видели.

– Олимпия, ты совершенно невыносима! – понесся вслед удивительно звонкий, почти девичий голос женщины, но девушка даже не оглянулась.

Снятая телефонная трубка лежала на ее столе рядом со стопкой проверенных счетов, и Лима без колебаний, даже не успев сесть, схватила ее и прижала к уху.

² Автор романа «Франкенштейн, или Современный Прометей», 1816г.

– Олимпия Воронина. Слушаю вас, – отчеканила она.

В трубке ойкнули, потом приятный голос молодого мужчины с плохо скрываемым смехом произнес:

– Ничего себе ты представляешься! Клиенты не пугаются того, что попали в военизированную организацию?

Лима была так взволнована, что не смогла опознать голос. Не доверяя собственным ногам, она поспешно опустилась на стул.

– Я не узнаю Вас, назовите себя, – кажется, несколько излишне резко произнесла она. Мгновение подумала и добавила: – Пожалуйста.

Краем глаза девушка видела, что за ней с интересом наблюдает начальник отдела, и, как ей показалось, начала краснеть от его внимания. Она вообще не любила вести телефонные переговоры, когда за ней наблюдали, но во время работы так погружалась в процесс, что ничего другого уже не замечала. К несчастью, сейчас был не тот случай.

Между тем в трубке засмеялись.

– Лима, я точно буду богатым. Нужно звонить тебе чаще, – заявил мужчина. – Это Виктор Панов тебя беспокоит. И, кажется, сильно беспокоит, судя по тому, что ты какая-то зажатая совсем. Или испуганная? У тебя что-то случилось?

Лима, не особенно скрывая наполнившего ее облегчения, шумно и длинно выдохнула. Виктор был старшим братом ее школьной подруги, и они давно и хорошо друг друга знали. Он действительно служил в милиции и, видимо, дозвонившись, сообщил об этом снявшей трубку сотруднице, чтобы ускорить процесс поиска приятельницы.

– Нормально все, Вить, не бери в голову, – уже искренне улыбаясь, сказала девушка.

– Точно? – недоверчиво переспросил парень.

– Точно. У нас просто сегодня очередной плановый звездеч в отделе, как каждые две недели, когда мы забираем из типографии тираж. Сам понимаешь, если целый день лаять, к вечеру это уже становится обычным делом.

– Понимаю. – По голосу Виктора было слышно, что он продолжает улыбаться.

– А что ты хотел, Вить? Ты же не просто так мне звонишь в разгар рабочего дня? – пошла в атаку Лима.

Парень ответил сразу.

– У Юльки день рождения скоро, ты помнишь?

– Конечно. Я уже и подарок приготовила.

– Мы с ребятами хотим устроить ей вечеринку-сюрприз, а тебя униженно просим сделать нам стихотворно-песенное сопровождение. – Виктор, судя по интонациям, улыбался уже во весь рот в предвкушении. – Петь будет Янка, мы выбрали уже, какие песни используем, но тексты нужно будет переделать по заданной теме. Из наших лучше тебя не справится никто.

Лима тоже улыбнулась. Ей польстило то, что ее таланты оценили. Она действительно неплохо писала стихи – и серьезные, и романтические, и колкие эпиграммы. А уж сколько песен с переделанными ею текстами перепели ребята еще со времен школы, сосчитать было сложно. Пару раз ее даже звали в вузовскую команду КВН, а она отказывалась, поскольку времени не хватало на все, но пару-тройку текстов в сезон все равно писала, уступая просьбам приятелей. Так что и сейчас она с удовольствием согласилась выполнить просьбу и, договорившись с Виктором встретиться после работы, попрощалась.

Только когда девушка положила трубку и с удивлением обнаружила, что все еще держит в руке кофейную чашку с затонувшим в ней окурком, в мозгу у нее словно что-то щелкнуло. «Витька. Милиция. Розыск. Я могу его попросить поискать по базам, не потерял ли кто-то Самада. Ведь вполне возможно, что его не может найти семья. Если, конечно, он не уехал из дома пару дней назад. А может, его ищут те самые, что приходили ко мне домой... Тогда тем более нужно знать, от кого мы прячемся!» Решительно кивнув головой сама себе, Лима

поднялась с намерением все-таки избавиться от окурка и вымыть чашку. В этот момент на ее столе снова зазвонил телефон.

– Издательство «Весна». Олимпия Воронина. Чем могу быть полезна?

– Лима, черт побери, эти уроды не пропускают на въезде наши машины! Несут какую-то хрень насчет просроченных пропусков, а мы их только три дня назад сделали, на целый месяц! Разберись, а то график полетит, и мы крайними окажемся. Меня они, как водится, слушать не хотят, переводят стрелки на вас, груз же ваш.

– Сейчас, Сереж, все решим. Пусть ребята стоят там и никуда не уезжают. Слышишь меня? С территории никуда! Я перезвоню тебе.

Под укоризненным взглядом шефа она сконфуженно убрала чашку под стол и объяснила:

– Служба охраны «Сайко» не пускает машины с нашим тиражом. Буду звонить Светлане.

– Звони, – кивнул Антон Никитич.

Плановый звездеч в отделе продолжался.

К назначенному Виктором часу она опоздала. Вопрос с пропусками водителей транспортной компании занял больше времени, чем можно было предположить. Пришлось сначала позвонить девушке-менеджеру отдела закупок, с которой напрямую работала Лима, потом ожидать ответа, а когда Светлана ничего внятного сказать не смогла, пришлось подключить Антона Никитича и звонить непосредственно начальнику службы безопасности компании «Сайко», одного из ведущих клиентов-оптовиков, закупавших у «Весны» львиную долю всего тиража газет. Переговоры, ссылки на ответственных лиц перевозчиков, параллельная линия с Сергеем, их курирующим менеджером в транспортной компании, – все это затянулось. Но когда наконец Сергей позвонил и сообщил, что газетные упаковки на склад выгружены и представителями клиента приняты, Лима и Антон Никитич, облегченно улыбнувшись, чокнулись чашками, в которых плескалась неизвестно какая по счету порция кофе. Девушка подозревала, что количество употребленного кофеина не даст ей уснуть этой ночью.

Однако у вспышки мозговой активности, вызванной этим веществом, был и свой плюс: направляясь к машине Виктора, которую она заметила еще с крыльца, Лима вдруг поняла, что говорить с ним о Самаде рано. Для того чтобы пробивать ее нового знакомого по ориентировкам и базам разыскиваемых лиц, нужна была его фотография, а ее у девушки и не имелось. Вдобавок Лима не была уверена, что вообще удастся сфотографировать Самада: раз из всех прохожих только она смогла увидеть голову, то где гарантия, что злосчастного парня сможет зафиксировать техника? Да и вообще, что это за особенность такая интересная? Чем является по сути своей ее новый знакомый в его теперешнем обличье? Ну не призраком же, в самом деле! Слишком плотный и живой он для призрака.

– Лимка, что ты мутная такая? Что-то случилось? – спросил Виктор, шагнув ей навстречу.

Она мотнула головой.

– Нет, все нормально, Вить. Обычная усталость. Я тебе говорила, у нас сегодня день такой, непростой во всех отношениях. Ничего необычного, это всего лишь нужно разругнуть и пережить.

– Разругнула?

– Разругнула. – Лима уже улыбалась. – И, кажется, пережила.

– Ну и отлично. Поехали?

– Непременно.

В машине Виктор отдал Лиме блокнот с набросками. Там были указаны песни, с которыми предстояло поработать, и темы, на которые нужно было написать новые тексты. Девушка обрадовалась возможности переключиться и подумать для разнообразия о чем-то другом, кроме работы и проблем ее необычного гостя. Вить болтал что-то нейтральное, и она отвечала,

чувствуя, как с каждым словом ей становится легче. Напряжение отпускало. А когда они перешли к обсуждению вечеринки, мысли стали совсем легкими. Похоже, Юлин день рождения уже одной своей перспективой настраивал Лиму на позитивный лад, а что будет, когда он все-таки состоится...

Видимо, мысли о празднике расслабили девушку окончательно, поскольку она вдруг, не ожидая такого сама от себя, сказала:

– Вить, мне нужна твоя помощь. Профессиональная.

Произнесла она это таким голосом, что парень сразу понял: речь идет о чем-то серьезном. Он притормозил, перестроился в другой ряд и спросил:

– В чем дело? У тебя какие-то проблемы?

Вздыхнув и убрав блокнот в сумку, Лима посмотрела на приятеля.

– Мне нужно выяснить личность одного человека и узнать, не разыскивает ли его кто-нибудь.

– Это возможно, – кивнул Виктор. – Я так понимаю, сделать это нужно тихо и не афишируя?

– Правильно понимаешь. И не просто тихо, а очень тихо. Максимально незаметно и не привлекая к себе внимания.

Виктор с интересом посмотрел на нее, на несколько секунд оставив без внимания дорогу.

– Куда ты влезла, Олимпия? – вкрадчиво, понизив голос, спросил он.

Девушка снова глубоко и протяжно вздохнула.

– Если бы я знала, Витя. Если бы я знала...

Они уже въезжали во двор дома, где жила Лима. Повисла пауза, пока мужчина искал место для парковки, и все это время она думала, что и как сказать ему, чтобы он не послал ее сразу далеко и надолго, а хотя бы попытался помочь. Когда он заглушил мотор и повернулся к ней, она смогла лишь улыбнуться.

– Итак, давай все по порядку. Что это за человек, которого нужно опознать?

– Мой новый знакомый.

– Что он натворил?

– Скорее уж натворили с ним.

Виктор смотрел на нее, прищурив глаз, и ей стало еще более неловко.

– Ты ему веришь?

Лима не знала, что сказать. Да, она верила ему. Но как объяснить Виктору, по какой именно причине Самад заслуживал доверия?

– Верю. Судя по его внешнему виду, он говорит правду.

– Что у него с внешним видом? Он покалечен? И какую именно правду он говорит?

«Действительно, какую? Что его лучший друг отрезал ему голову и наделил ее жизнью?»

Она хихикнула, чем вызвала недоумевающий взгляд у собеседника.

– Витя, он подвергся насилию. Сильно пострадал. И помнит далеко не все, остались только последние воспоминания.

– Я так понимаю, имени своего он не знает, раз ты просишь установить его личность. Почему же он сам не идет к нам?

– Он боится. Поэтому я и прошу тебя сделать все очень осторожно. Его могут разыскивать те, кто его покалечил. – Лима очень ярко представила себе, как выглядел Самад, *чем* он сейчас являлся, и вздрогнула. – Нет, я все не так говорю, – горестно вздохнула она. – Его сто-процентно ищут, Вить. И я хочу узнать, кто он такой и откуда, чтобы войти в контакт с теми, кто может ему помочь, защитить.

Виктор какое-то время молчал, и на его сосредоточенном лице сложно было прочесть, о чем именно он думает. Потом мужчина одарил Лиму внимательным, «профессиональным» взглядом и сказал:

– Хорошо, давай попробуем. Принеси мне фото своего знакомого, и я постараюсь выяснить о нем все, что смогу. Хотя, знаешь, я уже печенкой чую, что геморроя мы с тобой с этого дела поимеем с лихвой.

Лима улыбнулась и искренне обняла мужчину.

– Вить, если ты поможешь Самаду, я буду твоей большой должницей! – воскликнула она.

– Самаду, – повторил Виктор. – Значит, Самаду... Как интересно!

Глава 5. Новый союзник

Если жизнь перестанет быть каждодневным сюрпризом, зачем, скажите на милость, она нужна?

М. Фрай

Виктор проводил Лиму до подъезда, хитро поглядывая на нее и ожидая, что она сама продолжит разговор о Самаде, но девушка молчала. Она не добавила ничего сверх того, что уже было сказано в машине, но мужчина ждал, понимая, что рано или поздно она все равно расскажет ему все, что знает. Она сама попросила его о помощи, а значит, ничего важного скрывать от него не станет. По крайней мере, так ему казалось.

Расставшись с девушкой у подъезда, Виктор сел в машину, но трогаться не спешил, задумавшись о том, где Лима умудрилась найти этого парня, личность которого нужно было установить. Без воспоминаний, покалеченный и с таким необычным для их широт именем. С чем и, главное, с кем он может быть связан? Кто может его разыскивать? Как вообще девушке удалось впутаться в странную историю, если раньше ни в чем таком она замечена не была? Мужчина решил, что пока просто пробьет по базам имя беспамятного незнакомца. В их регионе оно не самое распространенное, так что вряд ли людей, носящих его, наберется очень много, как и заявок на их розыск.

Не успел Виктор завести двигатель и тронуться с места, как его остановил голос Лимы. Она кричала и звала его, быстрыми шагами, почти бегом, направляясь к нему:

– Витя! Витя! Подожди, не уезжай!

Он вынул ключ из замка зажигания, быстро покинул салон машины, устремляясь навстречу подруге, и поймал бегущую девушку в свои объятия.

– Что случилось, Лимка? Почему ты кричишь? Ты что, призрак увидела?

Не в силах ответить, она помотала головой и уткнулась лицом в его плечо.

– Лима, постарайся успокоиться и скажи, чего ты так испугалась.

– Вить, они влезли в мою квартиру. – Она всхлипнула. – Кажется, они искали *его*!

– Угум, – хмыкнул парень. – А давай-ка поднимемся к тебе, покажешь, что там у тебя к чему.

Дверь была вскрыта аккуратно. Повредили только замок, его можно было спокойно поменять, это не было большой проблемой. Но уже с порога следы пребывания чужаков невозможно было не заметить. Шкафы в прихожей были открыты. Вещи, выброшенные из них, валялись на полу кучами. На кухне беспорядка было поменьше: пакетики с бакалеей и кастрюли хоть и вытащили из ящиков и тумб, но хотя бы сгрузили в одно и то же место. Виктор двинулся в комнату, Лима следовала за ним по пятам, прячась за его спину. Лицо ее, когда он оглянулся, было бледным и встревоженным, с поджатыми посиневшими губами. Девушка была напугана, тут даже слепой не ошибся бы, и мужчина ободряюще пожал ей руку.

В комнате царил хаос: отодвинутый от стены диван с открытыми бельевыми ящиками, вывернутое на пол содержимое мебельной стенки, разворошенное бескаркасное кресло, наполнителем которого, мелкими мягкими шариками, было покрыто все вокруг: и пол, и вещи, и обивка дивана. И посреди всего этого безобразия произведением авангардного искусства застыл так же покрытый шариками Самад, чье выражение лица представляло собой смесь шока, раздражения и желания расхохотаться в голос прямо сейчас.

– Самад! Ты цел! Слава богу! – Лима, в одну секунду забыв о присутствии Виктора, бросилась к своему гостю.

– Самад? – воскликнул Виктор и обвел недоуменным взглядом комнату. – Где он? Он здесь, в твоей квартире? Покажи мне его! Где?

Лима застыла на полпути, обменялась понимающими взглядами с человеком-головой.

– Ты его не видишь? – уточнила она, поворачиваясь к Виктору.

– Да нет же! Не вижу! – Начинал злиться тот, подозревая, что ему просто-напросто морочат голову. – Лима, объясни мне, что тут происходит. Может быть, мы все-таки вызовем моих коллег? Им точно есть чем тут заняться.

Девушка почувствовала себя неудобно. Как объяснить ему, что здесь происходит, чтобы он не счел ее сумасшедшей и согласился помогать дальше?

– Витя, давай лучше присядем, и я все тебе объясню, раз уж так получилось, – предложила она. – Только обещай, что не решишь, будто я сумасшедшая.

Виктор наблюдал за ней уже с интересом, особенно когда она наклонилась, сделала руками движение, словно поднимала что-то размером со среднюю тыкву, потом стала махать в воздухе одной рукой – и в разные стороны устремились непонятно откуда появившиеся небольшие, по виду пенопластовые шарики, которыми и без того было усыпано все вокруг. Глаза его округлились в удивлении.

– Пойдем на кухню, там почище, – продолжила хозяйка квартиры. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

В кухне цирк продолжился: Лима поставила на стол свою невидимую ношу и наклонилась к полу навести порядок. Виктор поспешно принялся ей помогать, то и дело бросая взгляд на по-прежнему выглядящий пустым стол.

– Лима, так что здесь происходит? – не выдержал мужчина. – Ты расскажешь или уже передумала?

Девушка отвела глаза, поднялась, неторопливо вымыла руки над раковиной и поставила на газовую плиту чайник. Потом сказала куда-то в пустоту, словно отвечая кому-то:

– Нет, Самад. Извини, но я ему расскажу. Я просила Виктора о помощи, и он имеет право знать, во что я его втягиваю.

От неожиданности Виктор плюхнулся на стул.

– Это что? – ошарашенно спросил он.

Лима села рядом с ним, глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала свой рассказ. Когда она закончила, ее приятель нервно крошил хлеб в уже остывший чай и молча смотрел в том направлении, где на столе стояла уже полупустая чашка с чаем перед невидимой для него головой Самада. Помолчав еще какое-то время, он обратился к подруге:

– Ничего, если я закурю?

Девушка понимающе улыбнулась и подвинула к нему пепельницу:

– Ты можешь покурить у окна.

Несколько минут Виктор дымил, не произнося ни слова, потом все-таки сказал:

– Теперь я понимаю, что ты имела в виду, когда говорила, что внешний вид твоего гостя заставляет верить ему. Если бы я не увидел своими глазами, как ты с усилием несешь на руках пустоту, как в никуда исчезает чай, я бы решил, что у тебя солнечный удар, что ты перетрудилась, или что тебя ударили по голове те, кто вломился в твою квартиру.

Лима, не перебивая, слушала его, склонив голову к плечу. Глаза ее были теплыми, добрыми и печальными, как у коровы.

– Понимаешь, почему я попросила тебя о помощи? – мягко спросила она. – Ситуация совершенно непонятная. Что делать, мы окончательно не решили, но родных или друзей Самада обязательно нужно найти. – Она опять посмотрела в ту сторону, где должен был находиться «предмет» дискуссии. – Хотя с друзьями в свете последних событий нужно быть осторожнее.

Виктор закрыл окно и вернулся за стол, где залпом выпил уже безнадежно остывший чай с плавающим в нем раскисшим хлебным мякишем. Поморщился – видимо, было противно.

Сердобольная Лима быстро сполоснула его чашку и налила в нее горячего напитка, который друг выпил так же механически, но уже без гримас.

– Я в деле, – глухим голосом произнес он. – Я постараюсь пробить Самада по базам поиска, но, боюсь, без изображения это все-таки будет сложновато. – Он умолк и еще раз посмотрел на чашку не видимого ему сотрапезника, теперь уже опустевшую. – Давайте для начала попробуем сделать фото – ну а вдруг оно получится, несмотря ни на что?

– А если нет? – перебила Лима.

– Если нет, возьму тебя с собой, сделаем фоторобот.

Девушка хмыкнула.

– Видала я эти ваши фотороботы. Кого вообще по ним можно опознать?

Виктор улыбнулся.

– Ну, некоторых же опознают как-то. И, кстати, не так уж редко. Так что шансы у нас есть.

Лима внимательно прислушалась, глядя куда-то мимо него, потом сказала:

– Самад благодарит тебя за то, что ты поверил нам и готов присоединиться к нашей компании.

– Пока не за что, – склонил голову Виктор, глядя чуть повыше чашки, стоявшей на другом конце стола, – туда, где должны были находиться глаза Самада. Чувствовал себя мужчина при этом полным и распоследним идиотом.

– Артур Альбертович, мы обыскали квартиру, – тихо говорил в трубку мобильного телефона мужчина с непримечательной внешностью и цепкими глазами, сидя рядом с водителем и наблюдая за дорогой впереди.

Обычная, ничем не выделяющаяся из потока машин пассажирская «ГАЗель» двигалась на юг, в направлении выезда из города. В салоне сидели еще несколько парней и негромко переговаривались между собой.

– Результаты?

– Там никого нет.

– Вы не могли ничего пропустить? – В голосе шефа едва-едва пробивался намек на недовольствие, но это уже значило, что он практически взбешен.

– Мы все перерыли. Ничего и никого.

Секундная пауза, потом короткий приказ:

– Жду вас на базе. Отчитываешься по всей форме.

– Слушаюсь.

Мужчина завершил разговор, убрал телефон в нагрудный карман.

– Получим мы от Артура? – встревоженным голосом спросил водитель.

Его сосед молча кивнул.

– Плохо. Никого не обнаружили – плохо. Результата пока нет, и отвечать за это нам. – Водитель перестроился, сменил полосу движения, готовясь к повороту, потом повернулся к спутнику: – Что делать теперь, Леш?

Тот лишь пожал плечами.

– Откуда я знаю? Мы прошерстили район, и кроме двоих человек, никто о голове даже не заикнулся. При этом девушка сказала, что видела, а мужик – что видел девушку, которая что-то такое говорила. Все. – Он опустил стекло со своей стороны пониже и закурил.

– Да откуда вообще шеф взял, что он должен был появиться именно тут? – спросил водитель, справившись с поворотом. – Как такое можно просчитать?

Алексей затянулся и выпустил дым куда-то за окно.

– Ты рули, Макс, рули, – доброжелательно посоветовал он. – Ты будешь рулить, я буду искать там, где скажет шеф, а уже об остальном пусть голова болит у него. Сам же понимаешь, чем может обернуться в нашем случае излишняя инициатива.

Макс вздрогнул всем телом, словно от удара током, – слишком заметно, чтобы Алексей мог сделать вид, что ничего не было. Руки водителя вцепились в руль, словно он сидел за ним впервые в жизни. Какое-то время они ехали молча, даже «бойцы» в салоне притихли – видимо, думали о том же, что и он. Потом мужчина глухо и задумчиво, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес:

– Я не хочу становиться говорящей головой. – Его снова передернуло. – Такого врагу не пожелаешь.

Он не стал продолжать вслух то, о чем подумал, но был уверен, что его фразу мысленно закончили все, кто находился с ним в машине: «А уж тем более такого никогда не сотворишь с другом. Если ты, конечно, нормальный».

– Мы обыскали квартиру с особой тщательностью, – докладывал Алексей, стоя перед сидящим за массивным столом Артуром. – Все перевернули, заглянули во все щели – никого там не было.

Шеф смотрел на него в упор и скупыми ритмичными движениями подпиливал ногти. Однажды глянув на это, бригадир поисковиков уже не мог отвести взгляда. Пилочка сновала по и без того ухоженным ногтям мужчины туда-сюда, туда-сюда, не останавливаясь ни на миг. Вжик. Вжик. Вжик.

– А следов присутствия Самада вы не обнаружили? – недовольным тоном, чуть поджав губы, задал вопрос Артур.

– Что ты имеешь в виду?

– Да что угодно. Запах. Место, где он мог лежать, – скажем, смятый диван или кресло. На худой конец, сумка или коробка. Волосы, в конце концов. Ты же говорил, что хозяйка квартиры русоволосая, значит, если вы бы нашли у нее темные короткие волосы, это бы значило, что в квартире был кто-то еще. Возможно, это был он.

Алексей подумал немного, потом отрицательно мотнул головой.

– Ничего такого. Девушка явно живет одна. В квартире только женские вещи, чашка на столе одна и немытая – видимо, спешила на работу после нашего разговора и не успела убрать. А может, просто поленилась. Вообще, судя по квартире, она с ума по уборке не сходит, но держит все в рамках разумного. Наверное, я все-таки погорячился с первоначальным определением.

– То есть? – не понял Артур. – В чем именно погорячился?

– Ее квартира не похожа на жилище наркоманки. Скорее уж квартирка молодой незамужней барышни, ведущей активную жизнь и дома бывающей редко. При этом, правда, вымыть пол и постирать вещи она не забывает, а вот на пыль на подоконниках и шкафах ее времени и внимания хватает не всегда.

Артур отложил пилочку в кожаный чехольчик и убрал в ящик стола. Подумал немного, беззвучно шевеля губами, – наверное, дискутировал сам с собой. Поднялся с места, прошел по кабинету в одну сторону, потом в другую. Подошел к Алексею и спросил:

– Значит, она может говорить правду?

– Вполне, – согласился подчиненный. – Судя по квартире, нельзя сказать, что ее хозяйка отчаянно нуждается в деньгах. Если она действительно подобрала голову Самада и принесла ее к себе, я не понимаю, зачем бы ей это понадобилось. И уж тем более не понимаю, зачем бы ей было нужно мне все это рассказывать. Могла бы просто сказать, что не видела, и дело с концом.

– Не скажи. – Крупный блондин присел на краешек стола, машинально поправив стоявший на нем стаканчик с остро отточенными карандашами. – Ты говоришь, что был еще один мужик, который упомянул голову. Она могла его помнить и решить, что он может о ней рассказать кому-то – например, нам.

Алексеем надоело стоять, и он опустил в стоявшее возле стола гостевое кресло.

– Ты слишком усложняешь, Артур, – сказал он, – и строишь кучу домыслов на практически полном отсутствии фактов. Не плоди сущности. Девушка молодая, в ту ночь она, похоже, была хорошо навеселе, возвращалась откуда-нибудь из клуба, с вечеринки, увидела что-то странное, потом оно исчезло, она списала это на опьянение и пошла спать. Все.

Он поднял глаза на шефа, тот с интересом слушал его, не отводя взгляда.

– А если принять твой вариант, получается, что девушка чуть ли не в сговор вступила с нашей пропажей. И это, извини меня, самый неправдоподобный из вариантов, какой только можно придумать.

– Но ты все-таки допускаешь, что такое могло быть?

– Нет, не допускаю. – Алексей уверенно покачал головой. – Мы за девушкой следили до остановки, с собой у нее была только сумочка, в которую мужскую голову никак не впишешь. А в квартире нет ни следа пребывания кого-то еще, кроме хозяйки. Это факты.

Артур встал, обошел стол и снова уселся в свое кресло, задумчиво покусывая только что подпиленный ноготь.

– Хорошо, я тебя понял, – произнес он некоторое время спустя. – Похоже, девушка все-таки говорила правду, и она лишь случайный свидетель. Что ж, тогда нам нужно еще раз все проверить. Возможно, был еще кто-то, кто забрал Самада. Тот, о ком мы пока не знаем.

Алексей сделал максимально нейтральное лицо из всех для него возможных.

– Извини, Артур Альбертович, но кому может быть нужна говорящая голова? – ровным голосом спросил он. – Мне кажется, если бы его кто-то нашел, этот кто-то был бы уже в дурдоме или в милиции, и мы бы об этом знали.

– Ты так доверяешь этим своим людям в органах? – перебил блондин.

– Не доверяю. Но у них есть хороший стимул не скрывать от меня интересную информацию. Я бы даже сказал, *очень* хороший стимул. Так что они будут работать.

– Ладно, я тебя понял. – Шеф сделал рукой легкое движение, словно отталкивал кого-то. – Можешь быть свободен до утра. Утром представишь свои размышления по поводу того, что еще мы можем сделать для поиска. Я, в свою очередь, воспользуюсь своими методами. Завтра к восьми жду тебя здесь.

– Понял. Всего хорошего!

Алексей кивнул, развернулся и вышел из кабинета спокойным, уверенным шагом. Раздал указания своим парням, попрощался и вышел через заднюю дверь на парковку. И только там, сев в свою машину, позволил себе выдохнуть. Реакция шефа напугала его. Он не думал, что тот настолько разозлился, чтобы положить его на экспериментальный стол, – среди сотрудников бригадир поисковиков, он же начальник службы безопасности, занимал не последнее по значимости место, фактически будучи третьим лицом после Самада и Артура, – но где тот порог, за которым его польза проекту станет уже не столь важна, ему известно не было. Как, впрочем, и то, где сейчас болтается эта неугомонная и непокорная голова. «А хорошо бы знать – целее будешь», – сказал себе мужчина и завел двигатель.

В тот вечер Лима впервые в жизни почувствовала на себе, каково приходится переводчикам. Раньше ей казалось, что у них невероятно интересная работа: можно бывать в разных местах, встречаться, знакомиться и заводить отношения со множеством людей, узнавать новые факты, быть в курсе того, о чем большинство узнает позже, а может, и вообще не узнает, а еще – научиться понимать, как думают другие люди, с другой культурой и образом жизни. Столько нового, интересного! Столько впечатлений!

Теперь же она, пусть на совсем короткое время, увидела обратную сторону этой работы. Ей пришлось всего один вечер просто передавать слова Самада Виктору, но даже это заставило ее изрядно попотеть. Самад, похоже, был под впечатлением от вторжения в ее квартиру и никак не мог до конца успокоиться, а потому его акцент стал просто чудовищным. Она сама

едва его понимала, а еще нужно было быстро все пересказать Виктору, который его по-прежнему не видел и не слышал. По той же причине было принято решение отложить «свидетельские показания» Самада до лучших времен, пока же заняться только приведением квартиры в порядок.

Виктор, оценивший объем работы, предложил свою помощь, отказываться от которой Лима и не подумала. Вдвоем они относительно быстро разложили все по местам. Оставалось, правда, еще стихийное бедствие в виде шариков наполнителя для кресла, которые успели как следует наэлектризоваться и теперь небольшими островками расположились тут и там по всей комнате, включая люстру, потолок, а также пространство под диваном. Лима, стараясь не быть от досады, достала пылесос, надеясь с его помощью переловить всех «мелких гаденышей», как со смехом назвал их Виктор. Сам же мужчина, справедливо заметив, что со сломанным замком ложиться спать опасно, куда-то съездил и скоро вернулся, девушка еще даже не соскучилась.

– Сейчас мы все быстренько исправим, ты и глазом моргнуть не успеешь, – заверил он, затеяв какую-то возню у входной двери и отправив хозяйку квартиры заканчивать неравный бой с коварным наполнителем для кресла.

Пока Лима заканчивала ловлю шариков, выслушивая ворчание Самада, а потом и упакowyвала мешок с мусором, осторожно извлеченный из пылесоса, Виктор в прихожей тоже чем-то шумел, но из-за гудения, перекрывающего все на свете, было не очень понятно чем. Когда девушка двинулась к двери с намерением вынести мусор, ее приятель уже заканчивал прилаживать большую металлическую задвижку. Увидев вытянутое в удивлении лицо, он прокомментировал:

– Все, теперь можешь спать спокойно. Замок я поменял и заодно поставил дополнительную задвижку. Никакая собака к тебе ночью не вломится, будь уверена.

– Спасибо, – неуверенно поблагодарила Лима, выходя. Только вернувшись в квартиру, она догадалась, что хорошо бы отдать парню деньги за покупки. Что касается денег за услугу, их он не взял бы точно, тут она хорошо его знала.

Она проверила и приняла работу. Все хорошо закрывалось, нигде не заедало, не цеплялось, не косило. И было неожиданно приятно, что человек сам проявил инициативу, по собственной воле оказал ей весьма значимую помощь. Без него она бы точно пыталась закрыть дверь на швабру и всю ночь не смогла сомкнуть глаз, о чем не преминула сообщить в благодарственной речи, возвращая деньги.

– На ночь отдавать деньги – плохая примета, – с улыбкой сообщил Виктор, но купюры аккуратно сложил в бумажник, даже не проверяя.

– Пойдем что ли, поужинаем, – вздохнула Лима, наблюдая за его скупыми движениями. – Хотя какая-то благодарность от меня будет за потерянное тобой время.

– От ужина не откажусь. – Мужчина смотрел на нее и продолжал улыбаться, и от этого ей почему-то стало волнительно и неудобно. – Хотя не могу согласиться с тем, что я потерял время: помощь другу никогда не может считаться временем, потраченным впустую.

За ужином они опять сидели втроем, и невидимый Самад уже не так волновал и стеснял Виктора, как во время чаепития. Они вели разговор на троих, Лима продолжала «переводить» и злиться про себя, что кавказский акцент не только не пропадал, а с каждой репликой становился все более ярким, делающим речь почти неразборчивой. Потом, уже ближе к концу трапезы, до нее наконец дошло: Самад просто слишком устал и перенервничал. Она даже представить боялась, что он испытал, когда в квартиру ворвались незнакомцы. Так что нечестно было бы винить его за такое произношение.

Виктор, кажется, все понял и, поблагодарив за ужин, стал собираться домой, тем более что было уже за полночь. Коротко обняв у порога девушку, вызывавшуюся его проводить, он с неизменной улыбкой сказал:

– Запрись на ночь и спокойно ложись спать. Утро вечера мудренее. Завтра я займусь твоей просьбой. – Он внезапно подмигнул и добавил: – А ты найди время для моей. Все на тебя надеются.

За всеми треволнениями вечера Лима совсем забыла о поручении Виктора, о дне рождения Юли, о песнях, которые предстояло переделать. Она виновато улыбнулась, отвела глаза, потом пообещала:

– Я все сделаю в лучшем виде. Даже не беспокойся.

– Не буду. Раз ты сказала, то сделаешь. – Он шагнул к двери, потом обернулся. – Я позвоню тебе завтра на работу, во второй половине дня. Не знаю, будут ли у меня результаты, но ты в любом случае все узнаешь.

– Договорились. – Лима прикоснулась рукой к его плечу. – Спасибо тебе, Вить! Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна.

– Пока еще не за что, Лим. Спокойной ночи!

Лима закрыла за ним дверь, с неожиданным удовольствием слушая, как щелкнул замок, потом заперла его на дополнительный оборот и еще раз отметила, как хорошо он работает, как легок его ход. Потом добавила еще и задвижку, чувствуя, насколько спокойней ей стало от этого простого движения. А в следующий миг она услышала глухой звук падения, донесшийся из кухни, и, не чуя ног, побежала на звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.